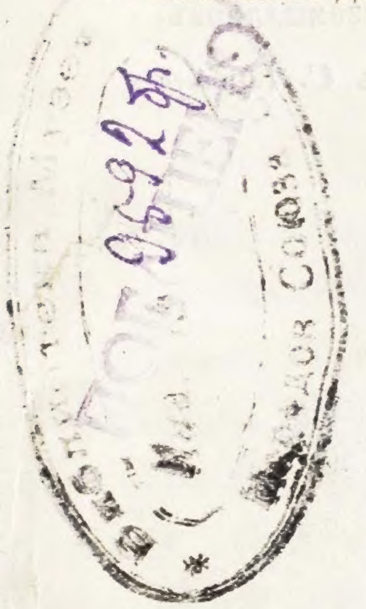

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УКРАИНСКОМЪ НАРОДѢ.

Написалъ для дѣтей старшаго возраста П. Кулѣшъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Ценсоръ *С. Куторга.*

С.-Петербургъ, 28 Іюня 1846.

ПОВѢСТЬ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ НАРОДѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Если вы, милые читатели, будете когда-нибудь путешествовать по Россіи, то въ южныхъ ея губерніяхъ *найдете Славянскій народъ, от*личающійся отъ нашихъ Сѣвернорусскихъ простолюдиновъ языкомъ, одеждою, обычаями и нравами. Это народъ Южнорусскій, или Малороссійскій. Не всѣ Южноруссы живутъ въ Россіи. Племя это населяетъ Галицію и разливается еще по нѣкоторымъ странамъ Австрійской имперіи. Языкомъ Южнорусскимъ говорятъ тринадцать милліоновъ жителей Русскаго и

Австрійскаго государства; слѣдовательно между Славянскими племенами Южнорусское племя, послѣ Сѣвернорусскаго, самое многочисленное *. Наши Южноруссы, или Украинцы, имѣютъ свою исторію, исполненную героическихъ подвиговъ и занимательнѣйшихъ приключеній. Ее можно начать еще со временъ Аскольда, Дира, Олега, Игоря и Святослава, но все это вамъ уже давно извѣстно. Начнемъ ее со временъ опустошенія земли Кіевской Татарами.

Испытавши тягость Татарскаго рабства, Украинцы подпали подъ власть Литвы, а потомъ подъ власть Польши. Скоро Поляки стали дѣлать разныя притѣсненія этому добродушному народу; короли Польскіе отдавали свободные города и села Украинскіе во владѣніе Польскимъ и Южнорусскимъ дворянамъ, подъ именемъ *старо́ствъ, каштелянствъ и т.* п.; а дворяне, пользуясь своею почти неограниченною властью, начали обходиться съ мѣщанами и поселянами, какъ съ рабами. Народъ бунтовался; дворяне старались усмирять его жестокими мѣрами.

* Сѣвернорусскаго племени считается 38,040,000 человѣкъ, Болгарскаго 3,587,000, Сербскаго 6,095,000, Хорутанскаго 1,151,000, Польскаго 9,365,000, Чешскаго 7,167,000, Лужицкаго 142,000, а всего Славянъ 78,691,000.

Многимъ стало такое житье несноснымъ, и цѣлыя толпы вольныхъ *юнаковъ*, оставляя свои жилища, уходили въ степи, къ низу Днѣпра, на берега Самары, Конки, Синюхи, гдѣ еще съ девятаго вѣка жили бездомные Русскіе выходцы, проводя время въ набѣгахъ на непріятельскія земли. Число ихъ теперь значительно увеличилось. Эти *бездомные* удальцы назывались *козаками*, управлялись, по обычаю всѣхъ Славянскихъ племенъ, народными сходками, выбирали изъ среды себя начальника и подъ его предводительствомъ защищали свою свободу. У нихъ были двѣ цѣли: воевать противъ враговъ Христіянства, Татаръ и Турокъ, и — освободить свою родную Украину отъ деспотическаго господства Польско-Русскихъ дворянъ. Король Стефанъ Баторій, чтобъ примирить ихъ съ правительствомъ, потвердилъ права воинскаго ихъ сословія, далъ имъ устройство, нѣсколько сходное съ устройствомъ рыцарскихъ духовныхъ орденовъ на западѣ, прислалъ ихъ предводителю, называвшемуся *гетманомъ*, знаки верховной власти, булаву, бунчукъ, знамя, — уговаривалъ ихъ жить мирно съ Поляками и защищать Христіянскія земли отъ набѣговъ Татарскихъ. Старинная Украинская пѣсня такъ

описываетъ совѣщаніе, бывшее по этому случаю у козаковъ:

«То не буйный вѣтеръ воетъ по степямъ, то не Татарскій ханъ посылаетъ въ Украину свое войско, чтобъ оно ее, родную мать нашу, разоряло, нашихъ женъ и дѣтей брало въ полонъ, а наши пожитки расхищало: то храбрый Богданко * всѣхъ козаковъ въ *раду* ** созываетъ,—всѣхъ козаковъ, и служащихъ и простыхъ, и сотниковъ и полковниковъ, всѣхъ на совѣтъ созываетъ; а самъ выходитъ на средину собранія, блещетъ саблею, кладетъ три поклона святымъ мѣстамъ, кланяется на всѣ четыре стороны и говоритъ козакамъ: — Вотъ, братцы, король прислалъ намъ великій подарокъ-даръ: золотую булаву, сребрянную хоругвь и косматый бунчукъ***. Хочетъ онъ, братцы, храбрые мои *товарищи*, чтобъ мы ему, королю, вѣрно, служили, Поляковъ не били, и съ ними, какъ съ родными братьями, жили. Пусть, говоритъ, твои козаки-товарищи служатъ мнѣ вѣрой и правдою; а коли не будутъ служить

* Имя тогдашняго гетмана.

** Т. е. въ общественный совѣтъ, вѣче.

*** Бунчукъ былъ также булава, къ которой прикрѣплялся конскій хвостъ

мнѣ вѣрой и правдою, то я пришлю имъ не такой подарокъ: бѣдою тяжкою, невыносимою я тогда ихъ порадую! — Козаки жъ на это своему гетману такъ отвѣчали: — Король Польскій намъ великій подарокъ прислалъ, чтобъ мы служили ему вѣрой и правдою; а коли не послужимъ, то и бѣдой какою-то насъ порадуетъ! Какою жъ это бѣдою? ужъ не свободой ли? О, если свободою, то намъ, козакамъ, иныхъ даровъ и не надо! — Такъ возразивъ, козаки замолчали . . .»

Со временъ короля Баторія козаки стали жить нетолько по дикимъ степямъ Днѣпровскимъ, но и на южныхъ пограничныхъ мѣстахъ нынѣшней Кіевской губерніи. Они имѣли уже и свой городъ Тактомировъ, въ которомъ былъ у нихъ складъ военныхъ запасовъ и резиденція ихъ правительства. Число козаковъ безпрестанно увеличивалось, потому что они принимали къ себѣ всякаго, кто не хотѣлъ сносить тягостнаго господства дворянъ и оставлялъ свою родину. Слово *козакъ* стало у народа любимымъ именемъ во всѣхъ Южнорусскихъ областяхъ, какъ имя человѣка свободнаго, неклонящагo головы подъ рабское ярмо. Ихъ противодѣйствіе деспотизму дворянства, ихъ

безпрестанныя войны съ невѣрными, ихъ воинскія приключенія — сдѣлались по всей Украинѣ предметомъ самыхъ пріятныхъ для народа расказовъ и пѣсенъ. Странствующіе пѣвцы складывали о козакахъ стихотворныя повѣсти и, ходя отъ села до села, распѣвали ихъ народу, сопровождая свой речитативъ игрою на музыкальныхъ струнныхъ инструментахъ. Этѣ пѣсни, дышащія любовью къ родинѣ, тоскою о ея бѣдствіяхъ и воинственнымъ жаромъ, питали въ Украинскомъ народѣ тотъ же духъ, который одушевлялъ и козаковъ, не давали народу забыть свою старинную Русскую вольность и внушали сочувствіе ко всѣмъ замысламъ и предпріятіямъ козацкимъ.

Между тѣмъ къ корыстолюбивому господству дворянъ Украинскихъ присоединилось другое бѣдствіе. *Поляки хотѣли* обратить православный Южнорусскій народъ въ католиковъ и для этаго однимъ католикамъ только предоставили право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ, а не-католиковъ удаляли отъ всѣхъ служебныхъ мѣстъ. Дворяне Южнорусскіе, боясь потерять свои права, всѣ *приняли* католическую вѣру и вмѣстѣ съ Поляками стали принуждать свой народъ отстать также отъ

Греческой вѣры. Недоставало только этаго, чтобъ взволновать всю Украину. Дворяне теперь сдѣлались низшимъ сословіямъ еще ненавистнѣе, потому что съ именемъ пана соединялось имя католика и утѣснителя вѣры. Козаки вступили въ Украинскіе города; народъ становился подъ ихъ знамена и снабжалъ ихъ съѣстными и другими крипасами. Началась жестокая война между обѣими партіями, и хотя католики, то есть дворяне, нѣсколько разъ разбивали козацкія ополченія, лишали ихъ права избирать себѣ гетмана и доводили народъ до послѣдняго порабощенія; однакожъ за Днѣпровскими порогами снова составлялось воинское братство, входило въ сношенія съ Украинцами, возбуждало ихъ противъ панскихъ угнетеній и возжигало пламя войны сильнѣе прежняго. Любимѣйшій изъ тогдашнихъ народныхъ вождей былъ козакъ Наливайко, до сихъ поръ прославляемый въ Украинскихъ пѣсняхъ. Онъ разбилъ католиковъ, близь города Чигирина *, и старинная пѣсня такъ описываетъ эту битву:

«Охъ! въ нашей славной Украинѣ бывали страшныя бѣдствія, несчастныя времена; были въ ней и моры и военныя брани. И никто не спа-

* Въ нынѣшней Кіевской губ.

салъ Украинцевъ, никто о нихъ не возсылалъ къ Богу молитвъ; только Богъ нашихъ не забывалъ, — сохранялъ Онъ ихъ для великихъ подвиговъ, для отпора притѣснителямъ; только одинъ Господь зналъ, для чего такія невзгодья на насъ посылалъ. Вотъ и прошли и миновали всѣ наши бѣдствія, и никто теперь насъ не одолѣетъ. Только одинъ Господь зналъ, для чего такія невзгодья на насъ посылалъ.

«Не одинъ и не два дня Ляхи Украину разоряли, ни дня ни часу не отдыхали, противъ Наливайка войско собирали. Что же гетманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? какую участь своимъ товарищамъ готовитъ? Это одинъ Богъ только знаетъ, Который ему помогаетъ.

«Изъ-за горы туча выступаетъ, выступаетъ она, выходитъ, гремитъ на Чигринъ громомъ, блещетъ ни Украину молніею: то Поляки черезъ три рѣки переходили и возлѣ третьяго перехода остановились Что же гетманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? какую участь своимъ товарищамъ готовитъ? Это одинъ Богъ только знаетъ, Который ему помогаетъ.

* Въ нынѣшней Кіевской губ.

«То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не Святыхъ они къ Богу провожаютъ. то Ляхи въ бубны бьютъ, въ трубы играютъ, все свое войско созываютъ, совѣтъ держатъ, а потомъ лошадей сѣдлаютъ, черезъ Бѣлую рѣчку * переходятъ, мосты мостятъ, гати гатятъ, колья вбиваютъ, хворостъ и дрань кладутъ, — черезъ Бѣлую рѣчку переходятъ. А перешедши дѣлаютъ валы и частоколы, пушки становятъ, а передъ пушками три креста вколачиваютъ: на одномъ крестѣ козакъ Сомино виситъ, — Сомино виситъ, громко вопіетъ; на другомъ крестѣ козакъ Богунъ виситъ, — Богунъ виситъ, саблею стучитъ; а третій крестъ порожній стоитъ, всѣхъ другихъ козаковъ къ съ себѣ поджидаетъ, козаковъ поджидаетъ, козаковъ оглядываетъ. Кто первый подойдетъ, того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ хватитъ; кто третій подлетитъ, тотъ на крестѣ повиснетъ.

«А козаки на все это глядѣли, все это видѣли, между собой совѣтъ держали, насупротивъ Ляховъ три хоругви выставляли. на хоругвяхъ такъ написали: *Вѣрному Христі-*

* Такъ называется въ пѣсняхъ рѣка Тясминъ, при которой стоитъ Чигиринъ.

анству миръ, а врагамъ Полякамъ адскій пиръ! да обратится на нихъ святой крестъ!

«Вотъ и пошли козаки на всѣ стороны; Ляховъ со всѣхъ сторонъ колотили. Ляхи пощады просили, но не выпросили. Не таковы козаки, чтобъ Ляхамъ пощаду дали; не таковы же и Ляхи, чтобъ это позабыли! Будетъ и нашимъ горе, какъ кукушка вѣщевала, а что она вѣщевала, то отъ святыхъ слыхала!»

Въ самомъ дѣлѣ эта счастливая для козаковъ битва повела только къ бо̀льшимъ еще бѣдствіямъ народъ Украинскій. Не долго могъ держаться Наливайко противъ своихъ непріятелей, подкрѣпляемыхъ свѣжими войсками Польскими. Его стѣснили со всѣхъ сторонъ, отрѣзали отъ сообщенія съ Украинскими городами и, осадивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ возлѣ города Лубенъ *, на урочищѣ Солоницѣ, стали морить голодомъ и поражать артиллеріею. Долго козаки выносили осаду, но когда Поляки, сдѣлавъ высокія батареи, принялась стрѣлять въ самую средину козацкаго стана, когда ихъ ядра и картечи начали убивать женъ и дѣтей козацкихъ въ виду отцевъ ихъ, — твердость козаковъ поколебалась, и Наливайко, видя не-

1597 г.

* Лубны въ нынѣшней Полтавской губ.

пзбѣжную гибель всего своего ополченія, сказалъ: «Братцы, храбрые товарищи козаки! лучше погибнуть одному мнѣ, нежели всѣмъ вамъ положить головы подъ картечами Польскими. Выдайте меня Ляхамъ, и пусть они дѣлаютъ со мною, что хотятъ.» — «Нѣтъ, батько нашъ! отвѣчали козаки, лучше всѣ мы положимъ свои головы здѣсь вмѣстѣ съ тобою!» — «Что же тогда будетъ съ нашею Украиною? сказалъ Наливайко. Если всѣ мы положимъ здѣсь свои головы, то кто тогда научитъ дѣтей козацкихъ любить свою отчизну и ненавидѣть ея притѣснителей? кто раскажетъ имъ, какъ бились мы за вѣру и свободу? кто поведетъ ихъ тогда противъ пановъ и Поляковъ?» Убѣжденные такими сильными доводами, козаки попросили у Поляковъ пощады. Поляки требовали, чтобъ козаки *выдали* Наливайка, *положили* оружіе и *разошлись* по домамъ. Съ рыданіями выдали козаки своего предводителя и обезоруженные воротились домой, гдѣ ожидало ихъ тягостное рабство.

Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ лютою казнью. Козаки погибали. Къ счастью въ это время явился межь ними мужъ возвышеннаго ума, гетманъ Петръ Сагайдачный. Днѣпровскіе остро-

ва были тогда единственнымъ мѣстомъ, куда могли убѣгать козаки отъ тягостнаго рабства, въ какомъ дворяне держали всѣ низшія сословія Украинскія. Тамъ, ведя холостую жизнь, козаки все свое время проводили въ битвахъ съ Татарами и Турками,—строили большія лодки, подобно Аскольду, Диру, Олегу и Игорю, спускались на нихъ по Днѣпру въ Черное море, опустошали окрестности Царяграда и берега Малой Азіи. На морѣ нападали они на большіе корабли Турецкіе, цѣплялись за нихъ желѣзными крючьями, лѣзли на палубу, рубились съ Турками, овладѣвали грузомъ, а корабль пускали ко дну. Гетманъ Сагайдачный послѣ нѣсколькихъ подобныхъ подвиговъ привлекъ подъ свои знамена столько выходцевъ изъ Украины и составилъ такое сильное козацкое войско, что Польское правительство нашлось въ необходимости потвердить его въ гетманскомъ званіи и предоставить козакамъ прежнія ихъ права. Обладая великими способностями воина и государственнаго человѣка, Сагайдачный возвысилъ значеніе Украинскаго гетмана, защищалъ свободу Грекорусской вѣры, строилъ монастыри и заводилъ въ Украинѣ училища. Не разъ онъ отражалъ Татарскіе набѣги

на Польскія владѣнія, не разъ помогалъ Полякамъ разбивать Турковъ, наконецъ, утомленный трудами и старостью, постригся въ монахи основаннаго имъ въ Кіевѣ Братскаго монастыря и скоро скончался.

По его смерти начинаются новыя гоненія на православную вѣру, новыя притѣсненія мѣщанъ и поселянъ, новыя нарушенія козацкихъ правъ, новыя возстанія козаковъ, новыя пораженія съ той и съ другой стороны. Низшія сословія, поддерживаемыя козаками, боролись не на животъ, а на смерть съ ополяченнымъ своимъ дворянствомъ, подкрѣпляемымъ Поляками. Перевѣсъ однакожъ почти всегда былъ на сторонѣ дворянства; козаки гибли въ неравныхъ битвахъ; гетманы ихъ умирали въ мученіяхъ казней: но все еще существовало Запорожье, звучали по Украинѣ козацкія пѣсни, ими питалось въ народѣ чувство ненависти къ притѣснителямъ, ими питалась жажда свободы, и впереди былъ еще длинный рядъ кровопролитныхъ войнъ.

Глава вторая.

Изъ гетмановъ, прославившихся въ это время воинскими своими подвигами или мученическою смертью, болѣе другихъ замѣчательны: Тарасъ Трясило, *Павлюкъ и* Степанъ Остраница.

Долго готовился къ своему возстанію Тарасъ Трясило; то разсылалъ по всей Украинѣ своихъ товарищей, то самъ, въ видѣ поденщика, въ видѣ странствующаго монаха или нищаго, проходилъ тайно города и села и разносилъ народу утѣшительныя вѣсти. «Паны, согласясь съ Ляхами, не даютъ козакамъ избирать гетмана, говорилъ онъ мѣщанамъ и поселянамъ;

но не отчаевайтесь, дѣти: есть уже гетманъ на Запорожьи; уже козаки достаютъ изъ своихъ тайниковъ зарытыя на всякій случай деньги, покупаютъ ружья, порохъ, пули и скоро будутъ къ вамъ въ гости. Вы же будьте готовы: припасайте себѣ копья, сабли, самопалы, ничего не щадите, ни денегъ, ни пожитковъ, и лишь только услышите по улицамъ козацкіе трубы и бубны, садитесь на коней, у кого есть кони; а у кого нѣтъ ни коня, ни сабли, ни копья, бери косу, бери топоръ на плечо и выходи къ козакамъ на встрѣчу. Станемъ всѣ вмѣстѣ за свою свободу, не потерпимъ рабской неволи, не позволимъ панамъ и Ляхамъ угнетать насъ, какъ безсловесныхъ тварей!»

Порабощенный народъ слушалъ эти вѣсти съ такою жаждою, съ какою узникъ слушаетъ стукъ запоровъ и скрипъ дверей свой темницы, когда настанетъ наконецъ пора его освобожденія, и уже идутъ снять съ него оковы. Всѣ жертвовали послѣднимъ своимъ имуществомъ; въ городахъ и селахъ составлялись тайно небольшія партіи, выбирали изъ среды себя атамановъ и вручали имъ всѣ свои деньги и цѣнныя вещи для покупки оружія и военныхъ припасовъ. По ночамъ вмѣсто дровъ

или пашни провозилъ атаманъ въ лѣсъ свою телегу, наполненную саблями и ружьями, и складывалъ все это въ тайникѣ. Въ назначенную пору собирались туда его партизаны, разбирали оружіе и, глядя на молчаливое ночное небо, клялись сражаться до послѣдней капли крови за свою свободу.

Духовенство Украинское также принимало участіе въ народныхъ возстаніяхъ. Съ того времени, какъ дворяне приняли католическую вѣру, духовныхъ нашихъ стали нетолько пренебрегать вездѣ, но и преслѣдовать; вѣра католическая считалась панскою вѣрою, а вѣра Греческая мужицкою, и нерѣдко помѣщикъ, отдавая свою деревню въ аренду Жиду, отдавалъ ему на откупъ и церковь деревенскую. По-этому священники не теряли ни однаго случая внушить народу мысль объ освобожденіи себя отъ панскаго ига, и Тарасъ Трясило, проходя вдоль и поперегъ свою родную Украину, вездѣ находилъ себѣ у нихъ и совѣтъ и помощь.

Паны ничего не опасались. Казалось, все было спокойно въ Украинѣ; народъ молчаливо терпѣлъ свое рабство. Вдругъ, въ назначенный день въ разныхъ мѣстахъ появляются ко-

заки. Проходя черезъ деревни и города, они играютъ въ трубы, бьютъ въ бубны. Мѣщане и поселяне оставляютъ свои работы и съ оружіемъ въ рукахъ присоединяются къ козакамъ. Дворянскіе дворы, католическіе костелы, городскіе замки вмѣстѣ съ своими защитниками предаются огню и мечу. Какъ рѣки къ морю, такъ народъ стремится къ козацкому войску. Тарасъ Трясило главнымъ военнымъ пунктомъ своимъ назначилъ Переяславъ *. Тамъ, гдѣ сливаются вмѣстѣ рѣки Трубежъ и Альта, козаки укрѣпили свой лагерь и ждали непріятелей.

Скоро вѣсть о возстаніи козаковъ разнеслась по всему королевству Польскому. Дворяне поспѣшно собираютъ войско и идутъ къ Переяславу. Нѣсколько разъ завязывается битва, но ни та, ни другая сторона не одолѣваетъ. Наконецъ козаки въ одну ночь стремительно бросаются на непріятельскій лагерь, вламываются въ него и производятъ ужасное кровопролитіе. Ночь эта назвалась *Тарасовою ночью* и долго была памятна притѣснителямъ народа.

Правительство Польское, опасаясь еще ужаснѣйшихъ событій, поспѣшило мирными трак-

* Въ Полтавской губ.

татами успокоить козаковъ, признало ихъ гетмана, возвратило конфискованныя у нихъ за прежнія возстанія земли, облегчило мѣщанскіе и крестьянскіе налоги, ограничило самоуправство пановъ и прекратило преслѣдованіе духовенства. Народъ все еще волновался, какъ море послѣ бури, наконецъ мало помалу успокоился, и Украина начала отдыхать отъ прежнихъ бѣдствій.

Не долго однакожъ Украинцы наслаждались успѣхомъ своей войны. Дворяне перемиріемъ и уступками хотѣли только усыпить ихъ дѣятельность и по смерти Тараса Трясилы опять возобновили всѣ прежнія притѣсненія. По городамъ и селамъ разставлено было Польское войско, съ помощію котораго паны могли безопасно угнетать своихъ подданныхъ; значительная часть козаковъ обращена въ крестьянъ, а прочіе подъ начальствомъ Польскихъ чиновниковъ содержались въ нищетѣ для защиты границъ. Всѣ дороги изъ Украины на Запорожье были охраняемы Польскою стражею, чтобъ препятствовать поселянамъ уходить въ дикія степи за Днѣпровскіе пороги и составлять тамъ новыя ополченія.

Но при всѣхъ этихъ мѣрахъ на Запорожьи

опять составилась партія противъ пановъ, опять по всей Украинѣ начали разноситься таинственныя вѣсти, опять стали тайно дѣлаться въ народѣ складки и приготовленія къ войнѣ. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ теперь избранный на Запорожьи гетманомъ Павлюкъ, или иначе Павелъ Михновичъ Бутъ. Онъ такъ искусно умѣлъ дѣйствовать посредствомъ своихъ соучастниковъ, что, не смотря на всю бдительность Польскихъ гарнизоновъ въ Украинѣ, успѣлъ собрать сильное ополченіе и сосредоточилъ свои силы въ нынѣшней Кіевской губерніи, возлѣ села Кумеекъ. Здѣсь произошла между козаками и панскимъ войскомъ такая кровопролитная и жестокая битва, какой и самые старые тогдашніе воины давно уже не видали. Отъ утра до ночи сражались козаки съ необыкновеннымъ мужествомъ, наконецъ, истощивъ свои воинскіе запасы и потерявъ убитыми двѣ трети своего войска, отступили ночью къ Мошнамъ, а оттуда къ Боровицѣ. Паны на другой день подступили къ Боровицѣ, принудили козаковъ выдать Павлюка и разойтись по домамъ. Павлюку обѣщана была пощада жизни, но когда козаки разошлись по домамъ, его казнили, какъ бунтовщика.

Многіе сообщники Павлюка были также схвачены дома и преданы смерти; козаки подчинены опять строжайшему надсмотру Польскихъ старшинъ; ихъ семейства наравнѣ съ мѣщанами и поселянами обложены тяжелыми налогами; многія церкви отданы уніатамъ и католикамъ; духовенство наше стали преслѣдовать и уничтожать

Казалось, никогда уже не возстать Украинцамъ изъ своего порабощенія; но въ томъ-то и состоитъ достоинство этаго народа, что въ немъ никогда не угасала искра свободы. Въ самомъ послѣднемъ порабощеніи онъ помнитъ о прежней своей вольности и какъ бы ни былъ уничиженъ, никогда не теряетъ надежды на лучшія времена. Провозвѣстникомъ свободы явился теперь Степанъ Остраница, молодой и прекрасный собою козакъ, уже извѣстный своею храбростью на войнѣ и своимъ умѣньемъ распорядиться битвою. Но когда имя его пошло изъ устъ въ уста по Украинѣ, старики, зная его молодость, качали головами и не надѣялись, чтобъ онъ устоялъ противъ пановъ и Поляковъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще неуспѣлъ Остраница соединить своихъ партій, а уже его ополченіе начало истреблять пановъ и Жидовъ

по рѣкѣ Роси. Поляки собрали наскоро свои силы и на берегахъ Старицы окружили его войско. Остраница защищался съ отличнымъ мужествомъ, но не устоялъ противъ многочисленныхъ своихъ непріятелей, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ съ тридцатью-восмью другими старшинами и отосланъ для суда и казни въ Варшаву. Прекрасную голову Остраницы паны возили на копьѣ по Украинѣ и выставляли на ярмаркахъ и рынкахъ для устрашенія народа. Но народъ, глядя на такое поруганіе человѣчества, вмѣсто страха питалъ еще большую ненависть къ своимъ притѣснителямъ, и не проходило году безъ того, чтобъ на Украинѣ не вспыхнуло гдѣ-нибудь возстаніе.

Много отважныхъ людей погибло тогда жертвою любви къ родинѣ и свободѣ. Но чѣмъ больше принесено было жертвъ, тѣмъ драгоцѣннѣе была народу его тайная дума; чѣмъ несправедливѣе и жесточе были угнетенія, тѣмъ болѣе должно было ожидать при новомъ возстаніи силы духа народнаго, который составляетъ опору и душу всякой революціи.

Приближалась великая для Украины пора Хмельницкаго. Медленно готовилась она судьбою. Всѣ прежнія притѣсненія народа и духовен-

ства , всѣ жестокости пановъ , всѣ отчаянныя и несчастныя битвы, всѣ казни героевъ Украинскихъ направлены были судьбою къ тому, чтобъ народъ почувствовалъ всю тягость рабства и всю сладость свободы, чтобъ уразумѣлъ онъ свои человѣческія права, чтобъ воспиталъ въ себѣ самую горькую обиду за нарушеніе ихъ, чтобъ воспиталъ въ себѣ самую глубокую вражду къ своимъ поработителямъ и, исполнясь воинскаго духа, разомъ поднялся и уничтожилъ своихъ притѣснителей.

Тогдашнія козацкія пѣсни дышутъ самою грустною поэзіею. Въ одной изъ нихъ такъ выражается смутное состояніе козацкаго духа:

«Какъ пошли козаки на четыре поля, на четыре поля, а на пятое Подолье. И однимъ полемъ пошелъ Сомко Мушкетъ, а за нимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы; на коняхъ гарцуютъ, саблями блистаютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ. Но Сомко Мушкетъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ, думаетъ-гадаетъ . . . О, лучше бъ злая бѣда пришибла ту его думку-гаданье! Сомко Мушкетъ думаетъ-гадаетъ, словами размышляетъ:

«Что, если наше козачество Ляхи, словно въ аду, спалятъ да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ напохмѣлье сварятъ? Что, если наши головы козацкія по степи полю полягутъ да еще и родною кровью умоются, расколотыми саблями покроются? Пропадаетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, что по всему свѣту степью разлеглась, да по всему свѣту лѣсными отголосками раздалась, Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, да и Ляхамъ-врагамъ на копье отдалась! Закаркаетъ воронъ въ степи, заплачетъ кукушка въ лѣсу, закричатъ кречеты сизые, задумаются орлы хищные, и все, все по своихъ братьяхъ, по буйныхъ товарищахъ козакахъ: — Что это значитъ? или ихъ сугробомъ занесло, или ихъ въ аду потопило, что не видно чубатыхъ * ни по степямъ, ни по лугамъ; ни по морямъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Ляшскимъ полямъ?

«Закаркаетъ воронъ, загуркочетъ, зашумитъ

* Козаки Запорожскіе носили на головѣ длинные чубы. Вспомните описаніе наружности князя Святослава у Карамзина: «длинные усы и на головѣ одинъ клокъ волосъ въ знакъ его благородства.»

да и полетитъ въ чужую землю . . . Какъ глядь: кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, расколотыя сабли брενчатъ: а черная сорока трещитъ и скачетъ поνимъ . . . Козацкія головы валяются по полю, длинные чубы ихъ въ крови засохли . . .»

Это картина однаго изъ неудачныхъ походовъ козаковъ, которые, какъ морскія волны, набѣгали на пановъ изъ дикихъ степей своихъ, и, какъ волны, должны были опять отхлынуть почти всегда безъ успѣха.

Смутенъ былъ духъ тогдашняго козачества, еще грустнѣе и тяжеле было на душѣ у поселянъ. Описать трудно угнетенія, какія терпѣли они отъ своихъ пановъ. Три дня въ недѣлю долженъ былъ работать мужикъ на пана и сверхъ того обязанъ былъ давать по нѣскольку четвертей хлѣба, по нѣскольку каплуновъ, гусей, цыплятъ, давать десятину съ меду, со скота, съ плодовъ и со всею, что имѣлъ; сверхъ того долженъ былъ не въ зачетъ рубить дрова ходить съ посылками, возить сѣно и тому подобное. За убійство крестьянина своего панъ не отвѣчалъ; убивъ чужаго, платитъ за него деньги, какъ за жи-

вотное. Суда на господина не было. Крестьяне терпѣли много бѣдствій и отъ панскихъ слугъ, которыми были обыкновенно шляхтичи. Стыдясь заниматься ремеслами и торговлею, шляхтичи толпились при панскихъ дворахъ, исправляя разныя унизительныя должности, и считали себя въ правѣ бить и грабить мужика безъ всякой отвѣтственности Къ большему еще несчастью народа, помѣщики никогда не занимались сами хозяйствомъ, а отдавали свои имѣнія въ аренду. Арендаторами обыкновенно были Жиды. Заплативъ пану извѣстную сумму, Жидъ считалъ его имѣніе какъ-бы своимъ, и всякой способъ для полученія барышей казался ему позволительнымъ. Крестьянинъ ничего не смѣлъ продавать никому, кромѣ Жида, который платилъ ему за вещь въ четверо менѣе настоящей цѣны. *Положенныя* отъ господина поборы удвоивались и утроивались. Мужикъ во всемъ долженъ былъ исполнять волю арендатора, иначе Жидъ имѣлъ право наказывать его, какъ и самъ панъ.

Мѣщане и козаки также были угнетены до крайности. Землями ихъ завладѣли паны, а поставленные надъ ними чиновники изъ дворянъ или шляхты считали ихъ своими рабами и

обложили множествомъ налоговъ. Козаки и мѣщане платили своимъ поработителямъ *поголовное* за свое существованіе на свѣтѣ, *подымное* съ каждой хаты, *очковое* съ пчелъ, *роговое* со скота, *ставщину* за ловлю рыбы, *кошовое* и *сухомельщину* съ хлѣба, *показанщину* за куреніе водки, *мостовщину* за проѣздъ черезъ мосты, *индукту* и *эвекту* за право продажи и покупки разныхъ хозяйственныхъ произведеній на рынкахъ. Кромѣ того бѣдные Украинцы должны были платить панамъ и арендаторамъ *поемщину* за вѣнчанье, *повивачное* за рожденіе и *дуды* за крещеніе.

Посмотримъ же теперь, каковы были преимущества дворянъ. Дворяне были свободны отъ всякихъ повинностей, имѣли право строить крѣпости, лить пушки, содержать войско, вносить короны въ гербы свои. Одни дворяне могли участвовать въ государственныхъ сеймахъ, занимать административныя и судебныя должности и начальствовать на войнѣ. Дворяне были почти неподсудимы. Легко можно было ускользнуть дворянину отъ правосудія, потомучто во время суда надъ нимъ онъ оставался свободнымъ. Пользуясь такими неограниченными правами наравнѣ съ Поляками, Украинскіе

паны превосходили богатствомъ и древностью происхожденія пановъ Польскихъ и потому скоро начали играть первую роль въ управленіи государствомъ, въ сенатѣ и на сеймахъ; жили по большей части не въ Украинѣ, а въ Польшѣ; если жъ пріѣзжали въ Украину, то окружали ихъ одни Поляки, и рѣчь Украинская давно сдѣлалась для нихъ чужою. Паны въ иноземныхъ одеждахъ, въ чуждыхъ обычаяхъ и презрѣніи къ своему родному думали видѣть образованность, свѣтскость и отличіе отъ грубаго общества; за почести при дворѣ, за ласкательства, какими осыпала ихъ столичная знать, за дарованныя имъ права надъ ихъ же соотечественниками, они отказались отъ любви къ своей родинѣ, назвали своимъ отечествомъ чужое государство и сдѣлались естественными врагами своему *народу*.

Глава третья.

Съ угнетеніемъ козаковъ, съ порабощеніемъ мѣщанъ и поселянъ, съ отреченіемъ дворянъ отъ ихъ вѣры, языка, обычаевъ, Украина, казалось, погибла навсегда. По ней вездѣ разставлены были на квартирахъ Польскіе солдаты, готовые по первому знаку своего начальника истребить все, что только было бы похоже на возстаніе. Множество Польской шляхты поселилось здѣсь на земляхъ, отнятыхъ у законныхъ ихъ владѣльцевъ. Шляхтичамъ обыкновенно поручались всѣ служебныя должности и они правили чуждымъ для нихъ народомъ безъ

всякой жалости; еще чѣмъ больше угнетали его, тѣмъ казались усерднѣйшими къ своему правительству. Наши дворяне, одѣвавшіеся, говорившіе и жившіе по-Польски, во всемъ имъ подражали. Однимъ словомъ дошло до того, что Украинскимъ языкомъ говорили въ Украинѣ только рабы, то есть крестьяне, мѣщане и козаки. Все, что только немножко считало себя выше, старалось говорить по-Польски.

Въ это-то смутное время, когда Украинцамъ меньше всего можно было ожидать свободы, Провидѣніе послало имъ Хмельницкаго. Хмельницкій былъ сынъ однаго дворянина, который за то, что смѣлъ возвышать голосъ въ пользу угнетенной своей родины, былъ преслѣдуемъ другими панами и наконецъ лишенъ дворянства. Объ этомъ впрочемъ онъ не жалѣлъ нисколько Онъ удалился въ степи къ козакамъ, вступилъ въ ихъ войско, женился на козачкѣ и сдѣлался любимымъ товарищемъ въ войскѣ. Сына своего Богдана онъ старался воспитывать нетолько для войны, но и для политики. Такимъ образомъ Богданъ Хмельницкій, не отличаясь повидимому ничѣмъ отъ козаковъ, зналъ многіе науки и языки и подъ видомъ простодушія скрывалъ характеръ глубокій и душу, полную

самыхъ смѣлыхъ замысловъ. Отецъ научилъ его искуству обходиться съ Поляками и пріобрѣтать ихъ довѣренность. Наука отцовская пошла въ прокъ сыну. Будучи человѣкъ способный и образованный, онъ сдѣлался нужнымъ для правителей Украины, и Польскій гетманъ Конецпольскій не только назначилъ его писаремъ козацкаго войска, но подарилъ ему даже полосу земли возлѣ Чигирина (хотя, какъ вы знаете, Хмельницкій, будучи природный Украинецъ, имѣлъ на эту землю болѣе права, нежели тотъ, кто ее дарилъ ему.) Хмельницкій устроилъ на своей землѣ хуторъ, названный Суботовымъ, и сталъ жить въ немъ изобильно. Это возбудило зависть въ одномъ изъ Польскихъ чиновниковъ, управлявшихъ Украиною. Чаплинскій (такъ звался этотъ чиновникъ) началъ клеветать на Хмельницкаго своимъ начальникамъ и нетолько отнялъ у Хмельницкаго хуторъ, но завладѣлъ и его женою. Хмельницкій жаловался на Чаплинскаго въ сенатѣ, но какъ Чаплинскій былъ дворянинъ Польскій, а Хмельницкій, хотя и писарь, но простой козакъ; то въ сенатѣ ему отвѣчали однѣми шутками. Огорченный этимъ Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю. А нужно вамъ знать,

что Польскій король имѣлъ весьма мало власти въ своемъ государствѣ. Дворяне на сеймахъ, въ сенатѣ и вездѣ дѣлали все, что имъ угодно. Поэтому, когда обратился Хмельницкій къ королю съ жалобою, то король, выслушавъ его жалобу и донесеніе о порабощеніи панами Украины, только пожалъ плечами: «Чтò я могу для васъ сдѣлать? сказалъ онъ У меня у самаго связаны руки. Тебѣ извѣстно, что я хотѣлъ воевать противъ Турокъ, вызвалъ изъ-за границы наемное войско, а козакамъ послалъ грамоту на постройку военныхъ лодокъ и на избраніе изъ среды себя козацкаго гетмана; но паны мои вооружили противъ меня все королевство; я долженъ былъ распустить свое войско; а моя грамота козакамъ то же ни къ чему не послужила.» — «Грамоту Вашего Величества, сказалъ Хмельницкій, скрываетъ у себя Черкаскій полковникъ Барабашъ. Онъ дѣйствуетъ за одно съ панами и держитъ козаковъ въ неключимомъ рабствѣ. Но какъ бы насъ ни угнетали, если только Ваше Величество намъ не запретите, мы можемъ еще стать противъ пановъ за свою свободу.» На это Король отвѣчалъ такъ: «Если вы воины добрые и саблю въ рукахъ имѣете, то кто вамъ стать

за себя запрещаетъ?» и тѣмъ окончилась секретная аудіенція Хмельницкаго у короля.

Возвращаясь изъ Варшавы, Хмельницкій внимательно осматривалъ всѣ зàмки, города и деревни, встрѣчавшіеся ему на пути; замѣчалъ положеніе страны, населенность ея, теченіе рѣкъ; соображалъ выгоды и невыгоды для войска, которое бы тамъ дѣйствовало; а когда достигъ земель, заселенныхъ Южнорусскимъ народомъ, то вездѣ вмѣшивался въ народныя сходки и распускалъ слухъ о желаніи самаго короля, чтобъ козаки возстали противъ пановъ. Въ каждомъ селѣ расказывалъ онъ народу, какія притѣсненія видѣлъ онъ, проѣзжая по Украинѣ. Слушатели его разсказывали ему также, какія терпятъ они обиды, насилія и грабительства отъ своихъ пановъ и чиновниковъ; говорили, что не могутъ долѣе переносить такаго угнетенія и молятъ только Бога, чтобъ Богъ послалъ имъ кого нибудь для отмщенія за ихъ бѣдствія Хмельницкій все это, какъ говорится, моталъ себѣ на усъ и, останавливаясь по селамъ и городамъ у священниковъ, также вездѣ оскорбляемыхъ и притѣсняемыхъ, открылъ нѣкоторымъ изъ нихъ, что онъ намѣренъ отомстить Польскому панству нетолько

за свои обиды, но и за поруганіе Греческой вѣры, за угнетеніе козаковъ и всего Украинскаго народа. «Не оставьте только вы меня, говорилъ онъ, дайте мнѣ хоть по два добрыхъ молодца изъ каждаго села, и я сдѣлаю Украину такою вольною страною, какою она была при князьяхъ Варяго-Руссахъ.» Священники обѣщали приготовить тайно къ возстанію умы народные и всѣми силами содѣйствовать предпріятію Хмельницкаго.

Возвратясь домой, Хмельницкій секретно назначилъ ближайшимъ изъ своихъ пріятелей сойтись въ лѣсу возлѣ Суботова для важнаго совѣщанія. Это были старые козаки, сражавшіеся подъ знаменами Тараса Трясилы и Павлюка. Когда Хмельницкій объявилъ имъ о своемъ предпріятіи, они приняли его съ радостью, но видѣли великое препятствіе въ томъ, что у Украинцевъ нѣтъ никакого оружія. (Ибо оружіе отобрано было Польскимъ правительствомъ у всѣхъ Украинцевъ и строго хранилось въ разныхъ мѣстахъ подъ надзоромъ чиновниковъ.) А безъ хорошаго оружія, говорили заговорщики, что̀ мы сдѣлаемъ противъ Польскаго войска? Притомъ же Поляки теперь весьма искусны въ военномъ дѣлѣ, и потому

страшно намъ безъ посторонней помощи отважиться на это отчаянное дѣло. А помощи отъ кого намъ надѣяться?» — «Самъ я это знаю, отвѣчалъ Хмельницкій, что собственными силами намъ не совладать съ своими непріятелями. Всѣ почти города Украинскіе заняты Польскими чиновниками, которые наблюдаютъ за всѣми нашими движеніями. Польскія войска на зимнія квартиры помѣщаются по большей части между нами, и только пошевельнись мы неосторожно, тотчасъ готовы истребить насъ. Значитъ, безъ чужеземной помощи намъ невозможно сдѣлать и одного шагу къ свободѣ. Но у кого ее просить? Сосѣди наши или безсильны, или больше усердны къ Полякамъ, нежели къ намъ. Попросилъ бы я помощи у Москалей *. Они одной съ нами вѣры и должны бы за насъ вступиться. Но вы знаете, какъ обезсилѣло послѣ войны съ Поляками Московское царство. Отъ Татаръ тоже трудно получить помощь. Они злы на насъ за наши наѣзды на ихъ земли; да притомъ же они невѣрные бусурманы, а намъ нужно имѣть дѣло съ народомъ Христіянскимъ.» — «Батько ты нашъ! сказали тутъ нѣкоторые Хмельницкому, нужды

* Такъ называли козаки Великороссіянъ.

нѣтъ, что они невѣрные. Когда человѣкъ тонетъ, то и за бритву хватается. Скажи намъ только, какъ упросить ихъ помочь намъ, а потомъ уже подумаемъ, на что намъ рѣшиться.» — «Если такъ, отвѣчалъ Хмельницкій, то скажу жъ вамъ, братцы, что Татары не прочь отъ того, чтобъ воевать съ нами противъ Поляковъ, Я имѣю вѣрныя извѣстія изъ Запорожья Если хотите, я уѣду за пороги и заварю тамъ кашу, а вы тутъ не плошайте. Будетъ у насъ и оружіе и все.» Слова эти привели всѣхъ въ восхищеніе. Заговорщики поклялись дѣйствовать единодушно словомъ и дѣломъ для освобожденія своей родины отъ постыднаго рабства, не щадить ни имущества, ни жизни, ни женъ, ни дѣтей своихъ. Они обѣщали Хмельницкому распространить по всей Украинѣ извѣстіе о королевской волѣ и приготовить народъ такъ, что лишь только Хмельницкій возвратится съ Запорожцами и съ Татарами въ Украину, всѣ вдругъ взволнуются и примутъ его сторону.

Теперь послушайте, какъ хитро Хмельницкій отобралъ у Барабаша королевскую грамоту. Объ этомъ до сихъ поръ еще въ Украинѣ бандуристы и лирники поютъ пѣсню, а старики разсказываютъ своимъ внукамъ преданіе.

Я былъ недавно въ Суботовѣ, и тамъ разсказывали мнѣ это произшествіе вотъ какъ. Хмельницкій, лишась своего помѣстья, все еще удерживалъ за собою домъ въ Суботовѣ. Возвратясь изъ Варшавы, онъ принялъ на себя видъ человѣка, покорившагося своей участи, и никто не могъ бы подумать, что въ этомъ смиренномъ человѣкѣ кроются какія-нибудь отважныя предпріятія. Въ то время родилось у него дитя. Хмельницкій просилъ къ себѣ полковника Барабаша кумомъ и, напоивъ его допьяна, уложилъ въ постель, а самъ взялъ его платокъ, шапку и перстень съ руки да и послалъ всѣ эти знаки съ своимъ слугою въ Черкасы къ женѣ его. Пріѣзжаетъ слуга Хмельницкаго въ Черкасы: «Пани! говоритъ, заспорили козаки съ твоимъ паномъ полковникомъ да королевскую грамоту, такъ прислалъ меня Хмельницкій: если не дадите ее сейчасъ, то изрубятъ пана полковника въ куски.» Этого было довольно, чтобъ испугать жену Барабаша и заставить ее отдать посланцу грамоту. Между тѣмъ Барабашъ проснулся и говоритъ Хмельницкому: «Ой куме, куме! былъ у меня шелковый платокъ въ карманѣ, а теперь нѣту; былъ у меня золотой перстень на рукѣ,

а теперь нѣту;» да глядь въ окно, а тамъ слуга Хмельницкаго ведетъ въ конюшню коня, изъ котораго горячій паръ такъ и идетъ клубами. Ну, Барабашъ тогда уже и догадался, въ чемъ дѣло. «Ой Хмѣль, говоритъ, Хмѣль! наварилъ ты, вижу, панамъ такаго пива, отъ котораго не одинъ склонитъ голову!» И вотъ Барабашъ ѣдетъ домой, а Хмельницкій съ своими слугами, сѣвши на приготовленныхъ заблаговременно лошадей, скачетъ на Запорожье.

Запорожцы приняли его съ восторгомъ. Онъ заключилъ союзъ съ Татарами, и скоро вся Украина заговорила о Хмельницкомъ. Вездѣ толковали тайкомъ о близкой войнѣ. По лѣсамъ появились земляныя кузницы. Тамъ день и ночь подъ землею глухо стучали молоты; поселяне сносили туда серпы, косы, сошники и всякое домашнее желѣзо; все это превращалось въ сабли, въ наконечники копій и хранилось до роковой поры у каждаго почти крестьянина и мѣщанина въ какомъ-нибудь тайникѣ.

Барабашъ между-тѣмъ далъ уже знать Польскимъ гетманамъ о подозрительномъ бѣгствѣ Хмельницкаго въ Запорожье Паны и Жиды Украинскіе также увѣдомили Поляковъ, что, судя по толкамъ пьяныхъ мужиковъ и по какому-то

необыкновенному волненію народа, въ Украинѣ готовится что-то страшное. Коронный гетманъ Потоцкій собралъ войско и вмѣстѣ съ польнымъ * гетманомъ Калиновскимъ выступилъ въ Украину, но нигдѣ не находилъ мятежниковъ; куда ни приходилъ онъ; вездѣ народъ казался покорнымъ. Дошедши до города Черкасъ, Потоцкій послалъ сына своего, Стефана, съ шестью тысячами войска къ низовьямъ Днѣпра для истребленія Хмельницкаго; а городовые козаки и Нѣмецкая пѣхота посланы были на Запорожье въ лодкахъ Днѣпромъ подъ командою Полковниковъ Ильяша и Барабаша. Хмельницкій встрѣтилъ Стефана Потоцкаго на урочищѣ *Желтыя воды* и атаковалъ ихъ съ помощью союзныхъ Татаръ. А козаки, плывшіе по Днѣпру, лишь только заслышали на берегу выстрѣлы, тотчасъ взбунтовались, перебили своихъ командировъ и Нѣмецкую пѣхоту и присоединились къ Хмельницкому Тогда общими силами козаки напали на Поляковъ и совершенно ихъ разбили. Стефанъ Потоцкій былъ убитъ, прочіе взяты въ плѣнъ и отданы Татарамъ въ неволю.

Услышавъ объ этомъ пораженіи и не надѣясь

* Вице-гетманомъ.

устоять противъ Хмельницкаго, Польскіе гетманы начали отступать обратно въ Польшу. Теперь Украина была уже совсѣмъ не та, какою они нашли ее въ началѣ войны. Все въ ней было въ движеніи. Паны, и Жиды забирали свои пожитки и уходили въ Польшу, крестьяне вооружались, собирались толпами, вездѣ ихъ преслѣдовали и грабили. Одни присоединялись къ войску Потоцкаго, другіе шли къ Хмельницкому, который, увеличивая на каждомъ шагу свои силы, старался настигнуть Польское войско. Какъ полова у вѣятеля на гумнѣ отдѣляется отъ зерна, такъ отдѣлились тогда отъ Украинцевъ паны, католики, уніаты и Жиды; и какъ земледѣлецъ собираетъ на току пшеницу въ одну купу, а полову выметаетъ вонъ, такъ собралъ вокругъ себя Хмельницкій всѣхъ истинныхъ сыновъ своей родины и изгналъ однимъ страхомъ своего имени все, что развратилось въ роскоши, въ чужеземныхъ обычаяхъ и сдѣлалось негоднымъ и вреднымъ для своего отечества.

Онъ настигъ Потоцкаго и Калиновскаго у Корсуня. Передовой отрядъ Хмельницкаго обскакалъ Поляковъ и въ глубокой долинѣ, называемой *Крутою Балкою*, перекопалъ рвомъ

дорогу и загромоздилъ ее срубленными деревьями. Будучи не въ силахъ устоять противъ козаковъ, Поляки отступали къ Крутой Балкѣ. Когда же повозки ихъ начали спускаться въ долину, Хмельницкій вдругъ сдѣлалъ стремительный натискъ, — повозки, и пушки покатились внизъ, опрокидывались и давили людей и лошадей. Произошло страшное замѣшательство. Многіе, бросивъ обозъ, поскакали впередъ, но были встрѣчены черезъ ровъ изъ-за деревьевъ стрѣльбою засѣвшихъ тамъ козаковъ. Хмельницкій окружилъ со всѣхъ сторонъ Поляковъ, какъ въ западнѣ, и только изъ состраданія прекратилъ ихъ истребленіе. Цѣлыя тысячи ихъ взяты были въ плѣнъ и вмѣстѣ съ гетманами и множествомъ пановъ отданы Татарамъ въ неволю. Эта побѣда доставила Хмельницкому господство надъ всею Украиною. Онъ избралъ средоточіемъ военныхъ дѣйствій городъ Бѣлую Церковь * и разослалъ по всѣмъ городамъ и селамъ свои воззванія къ народу, чтобы всѣ, кто только можетъ носить оружіе, собирались къ нему. Тутъ онъ узналъ, что Король Владиславъ IV умеръ. Хмельницкаго это извѣстіе сильно огорчило, тѣмъ болѣе, что ему сказали,

* Кіевск. губ.

будто-бы Владислава отравили паны, досадовавшіе на него за покровительство козаковъ. «Жаль мнѣ короля!» говорилъ Хмельницкій заплакавши, «добрый былъ Государь! Мы съ нимъ хотѣли смирить панскую гордость, а теперь мнѣ одному нужно управляться съ панами.» И, раздѣливъ свое войско на полки и сотни, двинулся изъ-подъ Бѣлой Церкви. Поляки съ своей стороны также собрали новое войско. Множество дворянъ въ пышномъ вооруженіи выступило противъ Хмельницкаго. За ними везли великолѣпныя палатки и повозки, нагруженныя подушками, одеждами и столовымъ серебромъ; ибо Поляки на войну выѣзжали какъ на свадьбу, со всѣми своими сокровищами.

Разительную противоположность представляли оба враждебныя войска, когда сошлись у города Пилявцевъ. Съ одной стороны Польскіе всадники блестѣли золотыми шлемами и дорогимъ вооруженіемъ; страусовыя перья развѣвались на ихъ шапкахъ; Турецкіе кони ихъ покрыты были бархатными чепраками; а съ другой — черною толпою стояли въ полѣ козаки, нося на себѣ признаки недавняго своего рабства; только немногіе еще изъ нихъ успѣли добыть себѣ на войнѣ цвѣтныя, драгоцѣнныя платья; прочіе

были въ простыхъ сермягахъ, сидя на коняхъ безъ сѣделъ: недавно пришедшіе въ армію поселяне не имѣли еще хорошаго оружія; въ густыхъ толпахъ ихъ сверкали только косы, да наскоро скованныя пики. Поляки съ презрѣніемъ глядѣли на это ополченіе и съ безразсудною увѣренностью въ побѣдѣ говорили: «Боже! не помогай ни имъ, ни намъ, а только смотри, какъ мы разгонимъ плѣтьми эту сволочь!» Они въ панской гордости своей не понимали, что превосходство войска Хмельницкаго заключается въ его умѣньи распорядиться битвою и въ той жаждѣ мести и свободы, какая одушевляла каждаго Украинскаго воина. Когда началось сраженіе, Украинцы съ такимъ мужествомъ, съ такою стремительностью напали на своихъ гордыхъ и изнѣженныхъ противниковъ, что тѣ, бросивъ свой лагерь, обратились безъ всякаго порядка въ бѣгство. На пространствѣ нѣсколькихъ верстъ козаки преслѣдовали и убивали пановъ. Сто тысячь повозокъ, нагруженныхъ военными припасами, одеждами, серебромъ, достались побѣдителямъ. Торжество Украины было великое; ужасъ проникнулъ въ самыя отдаленныя страны Польши.

Все это происходило въ 1648 году.

Отъ Пилявецъ Хмельницкій пошелъ въ Галицію ко Львову и къ Замостью, очистилъ всю Южнорусскую землю отъ пановъ, католиковъ и Жидовъ и, обремененный несмѣтными богатствами, возвратился съ торжествомъ въ Кіевъ. Тутъ встрѣтили его духовенство и народъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ встрѣчали нѣкогда Кіевляне Олега, Святослава и Владиміра, возвращавшихся со славою побѣдъ на родину.

Глава четвертая.

Зимою 1649 года Польскій сенатъ прислалъ къ Хмельницкому въ Переяславъ воеводу Адама Кисѣля съ нѣсколькими другими сановниками для переговоровъ о мирѣ. Послы везли Хмельницкому отъ имени короля золотую булаву и красное знамя съ бѣлымъ орломъ. Козацкій гетманъ встрѣтилъ ихъ за городскими воротами, на конѣ, въ сопровожденіи своихъ полковниковъ, есауловъ, сотниковъ и съ военною музыкою. Генеральный бунчужный везъ за нимъ бунчукъ, а Генеральный Хорунжій кресчатую

хоругвь. На привѣтствіе пословъ Хмельницкій не хотѣлъ отвѣчать ни по-Латынѣ, ни по Польски, а отвѣчалъ своимъ національнымъ языкомъ, употребляя самыя простыя выраженія.

Воевода Кисѣль засталъ уже въ Переяславѣ пословъ Московскаго и Венгерскаго. Аудіенція Польскому посольству назначена была на другой день, и такъ какъ въ Украинѣ еще со временемъ Варяжскихъ князей общественныя дѣла рѣшались въ народныхъ сходкахъ, на городскихъ площадяхъ, то и теперь мѣстомъ для церемоніи избрана была широкая улица передъ домомъ Хмельницкаго. Хмельницкій, стоя въ кругу своихъ старшихъ посреди многочисленнаго собранія козаковъ и народа, равнодушно выслушалъ лестныя привѣтствія Польскихъ пословъ и небрежно принялъ отъ нихъ подарки; потомъ просилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ.

Здѣсь воевода Кисѣль началъ представлять гетману въ отборныхъ выраженіяхъ, какъ велика милость къ нему короля, убѣждалъ его прекратить войну, не принимать крестьянъ подъ свое покровительство и заключить съ Поляками мирный договоръ. На это Хмельницкій отвѣчалъ такъ: «Благодарю короля за его

милость. Вы, Ляхи, прикрываетесь только именемъ королевскимъ, а сами дѣлаете и съ королемъ и съ королевствомъ, что хотите. Ничего изъ вашего посольства не будетъ. Или мнѣ пропасть со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, или пропасть вашимъ сенаторамъ, королькамъ и шляхтѣ!» Тутъ подхватили его рѣчь полковники, сидѣвшіе за другими столами: «А о крестьянахъ что̀ вы намъ говорите! Кто же за нихъ вступится, если мы, козаки, ихъ оставимъ? Пожалуй, вы рады душить ихъ своими панщинами; но мы этаго не потерпимъ! Въ нашей Украинѣ при князьяхъ Варягахъ всѣ были свободны. Это вы, Ляхи, завели у насъ крестьянство! Но не долго вамъ пановать надъ Русскимъ народомъ. Скоро не найдете вы себѣ мѣста и за Вислою!» Послѣ такого угощенія послы разошлись по своимъ квартирамъ съ поникшими головами.

Черезъ день они отправили къ Хмельницкому двухъ чиновниковъ, прося его назначить время для переговоровъ и заключенія трактата. «Завтра будетъ дѣло и расправа, отвѣчалъ Хмельницкій, а теперь я подгулялъ и отправляю Венгерскаго посла. Скажу вамъ впрочемъ коротко, что изъ вашего посольства ничего не

будетъ; будетъ опять война. Я васъ всѣхъ Ляховъ оборочу вверхъ ногами и растопчу такъ, что всѣ вы будете у меня подъ каблукомъ; а наконецъ отдамъ васъ Турецкому султану въ неволю. Правда, я человѣкъ малый и ничтожный, но Богъ судилъ мнѣ быть единовластителемъ и самодержцемъ Русскимъ. Передѣлаю я на свой ладъ всѣхъ вашихъ пановъ! Король останется королемъ, только королемъ вольнымъ. Будетъ онъ рубить головы вашимъ князьямъ и шляхтѣ, такъ же, какъ и всякому преступнику. А если не захочетъ король быть вольнымъ королемъ, то какъ ему угодно. Съ этимъ отправляйтесь домой; завтра будетъ дѣло и расправа »

На другой день послы допущены были къ Хмельницкому, и воевода Кисѣль произнесъ передъ нимъ длинную рѣчь, въ которой убѣждалъ его смягчить свой гнѣвъ и говорилъ, что, если ему нанесена личная обида, то со стороны Польскаго правительства готово удовлетворенiе; что, если козаки обижены уменьшенiемъ ихъ числа а отнятiемъ у нихъ земель, то король готовъ увеличить то и другое; что, какъ Польша безъ Украины не можетъ устоять противъ Татаръ и Турокъ, такъ и Украина безъ Польши не

можетъ устоять противъ невѣрныхъ. Хмельницкій отвѣчалъ на это такъ же, какъ и прежде. «Напрасно толковать! прибавилъ онъ. Было время вести со мною переговоры, когда Потоцкіе преслѣдовали меня на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ; было также время послѣ Желтоводскаго, Корсунскаго и другихъ сраженій. А теперь уже поздо. Теперь мое княжество простирается по Львовъ, Кульмъ и Галичъ. Я исторгну изъ Польской неволи весь Русскій народъ по самую Вислу, и ставши на Вислѣ, скажу Ляхамъ: *молчите, Ляхи! Сидите смирно, Ляхи!* Загоню я за Вислу всѣхъ вашихъ воеводъ и князей. А если будутъ брыкать и за Вислою, то я и тамъ ихъ найду! Во всей Украинѣ не останется ни одиаго князя, ни однаго дворянина: а если который изъ нихъ захочетъ ѣсть съ нами хлѣбъ, то повинуйся козацкому войску, а на короля не брыкай!»

Послѣ такой неудачной аудіенціи послы стали заботиться только о томъ, чтобъ ихъ отпустили въ отечество. Народъ былъ такъ раздраженъ прежними притѣсненіями и жестокостями Поляковъ, что Кисѣлю и его товарищамъ опасно было оставаться долго въ Переяславѣ. Кисѣль просилъ Хмельницкаго возвратить по крайней

мѣрѣ плѣнныхъ. «Напрасно толковать объ этомъ! отвѣчалъ Хмельницкій. Я отпущу ихъ только въ такомъ случаѣ, когда со стороны Польши и Литвы не будетъ весною никакихъ непріятельскихъ дѣйствій.» Касательно отъѣзда пословъ онъ объявилъ, что кромѣ простаго письма не дастъ имъ никакаго письменнаго акта. Послы упрашивали его заключить мирныя условія, составили на бумагѣ пункты договора и поднесли ему съ униженнѣйшими поклонами. Хмельницкій перечеркнулъ ихъ пункты и велѣлъ готовиться къ отъѣзду съ однимъ только письмомъ, содержавшимъ объявленіе о немедленномъ начатіи войны. Тогда послы согласились на всѣ уступки со стороны Польши, какихъ только Хмельницкій потребуетъ; но сдѣлали это только для того, чтобъ удержать его на нѣкоторые время въ Украинѣ посредствомъ мнимаго перемирія и выиграть время для приготовленій къ войнѣ.

26 Февраля послы явились къ Хмельницкому для окончательныхъ переговоровъ. Засѣданіе было на дворѣ, который былъ запертъ и охраняемъ стражею, потому что народъ не согласенъ былъ на заключеніе мира и волновался вокругъ дома Хмельницкаго, угрожая не только

посламъ, но и самому гетману. Съ Хмельницкимъ засѣдали только старшины козацкіе и самые престарѣлые изъ простыхъ козаковъ, участвовавшіе въ войнахъ Наливайка и Сагайдачнаго. Тутъ же стояли и плѣнные Польскіе паны, полуживые отъ страха. Хмельницкій прежде всего вручилъ воеводѣ Кисѣлю письменныя условія, на которыхъ онъ готовъ прекратить войну и въ которыхъ границами своихъ владѣній назначалъ съ одной стороны рѣки Горынь и Припеть, а въ другой городъ Каменецъ; потомъ отдалъ ему два письма, къ королю и къ Канцлеру, при чемъ подарилъ сѣраго коня и кошелекъ червонцевъ. Тутъ послы снова начали умолять его о плѣнникахъ, и сами плѣнники, забывъ свою панскую гордость, униженно бросились къ его ногамъ * и со слезами просили возвратить имъ свободу; но ничто не помогло. Хмельницкій, удерживая у себя этихъ плѣнниковъ, хотѣлъ удержать Поляковъ отъ новой войны до тѣхъ поръ, пока ему самому угодно будетъ начать ее. Отпуская по-

* Эти плѣнники были: Потоцкій, племянникъ короннаго гетмана, Конецпольскій, Чарнецкій и многіе другіе знатныхъ фамилій Поляки.

словъ, Хмельницкій обѣщалъ представить плѣнниковъ къ новому съѣзду пословъ весною на рѣкѣ Русавѣ, гдѣ предположено было заключить мирный договоръ окончательно. «Впрочемъ, прибавилъ онъ, не знаю, будетъ ли что и изъ второй коммиссіи. Если козаки не согласятся на то, чтобъ у нихъ было двадцать или тридцать тысячъ войска и чтобъ Украина была удѣльнымъ государствамъ, то ни за что не ручаюсь» Съ тѣмъ послы и отправились.

Лѣтомъ 1649 года Хмельницкій призвалъ къ себѣ на помощь Татаръ и двинулся съ сильною арміею въ Польшу. Поляки сосредоточили свои силы при городѣ Збаражѣ и рѣшились, во что бъ ни стало, преградить Хмельницкому путь въ свое отечество. Они окружили свой лагерь тройными валами и мужественно отражали козаковъ и Татаръ. Произошло нѣсколько кровопролитныхъ сраженій, и, хотя Поляки крѣпко держались въ своихъ окопахъ, однакожъ число ихъ съ каждымъ днемъ значительно уменьшалось. Они принуждены были оставить внѣшнія укрѣпленія и заключиться въ самыхъ тѣсныхъ окопахъ. Между тѣмъ въ Польскомъ лагерѣ сталъ ощутителенъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Замѣтивъ это, Хмель-

ницкій окружилъ Поляковъ со всѣхъ сторонъ и ожидалъ спокойно, пока голодъ заставитъ ихъ сдаться. Осада продолжалась нѣсколько недѣль. Наконецъ Хмельницкій получилъ извѣстіе, что король собралъ новую армію и идетъ на помощь къ осажденнымъ подъ Збаражъ. Тогда онъ, оставивъ нѣсколько полковъ подъ Збаражемъ, отправился съ главными своими силами и съ Татарскимъ вспомогательнымъ войскомъ на встрѣчу королю, чтобъ не допустить его соединиться съ осажденными. Онъ встрѣтилъ короля подъ городомъ Сборовомъ, разбилъ его и поставилъ въ такое опасное положеніе, что король нашелся принужденнымъ предложить козакамъ всѣ, какія они пожелаютъ, мирныя условія. Хмельницкій пожелалъ, чтобъ козаки имѣли право содержать сорокъ тысячъ войска, чтобъ унія вездѣ въ Русскихъ областяхъ была уничтожена и чтобъ митрополитъ Кіевской засѣдалъ въ Польскомъ сенатѣ. Заключивъ такой договоръ, Хмельницкій снялъ осаду Збаража и возвратился еще съ большимъ, нежели прежде, торжествомъ въ Украину.

Зборовское дѣло показало вдругъ сосѣднимъ державамъ всю слабость Польскаго королевства и всю силу Украинскаго народа. Теперь отъ

Хмельницкаго зависѣло — разрушить въ конецъ Польское государство, или поддержать его своими силами.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1650 года прибыли къ нему въ Чигиринъ съ богатыми подарками послы отъ султана Турецкаго, отъ Царя Московскаго и отъ короля Польскаго. Каждый изъ нихъ старался склонить Хмельницкаго на свою сторону. Хмельницкій не зналъ, на что рѣшиться. Самостоятельнаго государства изъ Украины онъ тогда еще сдѣлать не могъ: съ Поляками нельзя было заключить никакаго прочнаго союза: они въ бѣдѣ готовы были на всѣ уступки, а оправившись, снова думали о деспотическомъ господствѣ надъ Украиною. Вѣроломная политика Татаръ и Турокъ ему также была извѣстна. Оставалось соединиться съ государствомъ Московскимъ. Но Украинскій народъ, едва освободившійся тогда отъ панскаго ига, боялся соединяться съ государствомъ, въ которомъ крестьянство вкоренилось со временъ Татарскаго владычества и гдѣ бояре совсѣмъ подавили старинную Русскую вольность въ народѣ. Хмельницкій однакожъ имѣлъ свои цѣли въ соединеніи съ Московскимъ государствомъ, и тайно отъ прочихъ пословъ и отъ Укра-

нискихъ простолюдиновъ продолжалъ вести съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ переговоры.

Между-тѣмъ онъ началъ сватать дочь Молдавскаго господаря за сына своего Тимоѳея, въ надеждѣ видѣть его со временъ господаремъ Молдавскимъ. Поляки, понимая, къ чему стремится Хмельницкій, рѣшились обратить на него еще разъ всѣ силы своего разстроеннаго королевства. Объявлено было во всѣхъ Польскихъ областяхъ *посполитое рушенье*, т. е. чтобы всякъ, способный носить оружіе, вступалъ въ военную службу. Это была отчаянная мѣра. Собрано было болѣе двухъ сотъ-тысячъ войска, и, еслибъ этѣ двѣстѣ-тысячъ были разбиты, всѣ Польскіе города должны были бы сдаться побѣдителямъ безъ сопротивленія.

Хмельницкій съ своей стороны собралъ также немалое войско, да призвалъ еще въ помощь Крымскаго хана съ его Татарами. Но на этотъ разъ усердіе Татаръ къ Хмельницкому измѣнилось. Они знали, что если Хмельницкій уничтожитъ Польшу, то не оставитъ въ покоѣ и Крыма. Притомъ же Поляки заблаговременно послали хану богатые подарки и всѣми мѣрами старались вооружить его противъ Хмель-

ницкаго. По этому, когда Хмельницкій, при мѣстечкѣ Берестечкѣ открылъ съ Поляками генеральное сраженіе и искусною атакою уже привелъ было въ безпорядокъ нѣкоторыя части Польской арміи, Татаре, занимавшіе одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, вдругъ отступили и дали Полякамъ возможность зайти въ тылъ козацкому войску. Хмельницкій въ сопровожденіи нѣсколькихъ старшинъ поскакалъ въ слѣдъ за Татарами съ намѣреніемъ упросить хана воротиться и выручить изъ бѣды козаковъ. Но ханъ не только не воротился, а еще объявилъ Хмельницкаго своимъ плѣнникомъ и держалъ его при себѣ нѣсколько дней. Онъ готовъ былъ даже убить его или выдать Полякамъ, но въ такомъ случаѣ Поляки восторжествовали бы надъ Украинцами, а это было для Татаръ невыгодно. И-такъ, продержавши козацкаго гетмана у себя нѣсколько дней, ханъ возвратилъ ему свободу, а самъ отправился въ Крымъ.

Хмельницкій теперь не могъ уже воротиться къ своему войску подъ Берестечко, потому что войско его было окружено непріятелями, а при немъ было не болѣе шестидесяти козаковъ. Онъ остановился въ городѣ Паволочи и началъ набирать по Украинѣ новое ополченіе.

Между-тѣмъ козаки въ теченіе цѣлаго Петрова поста защищались подъ Берестечкомъ отъ двухъ-сотъ-тысячной арміи Польской. Съ одной стороны окружало ихъ непроходимое болото, съ прочихъ—непріятельскія батареи. Каждый день происходили отчаянныя битвы, но козаки не могли освободиться отъ осады. Имъ приходилось или сдаться побѣдителямъ на капитуляцію, или погибнуть отъ Польскихъ пуль и отъ голоду. Въ этихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ старшины козацкіе рѣшились сдѣлать ночью черезъ болото мостъ изъ войлоковъ, эпанчей, повозокъ и шатровъ, перевести отрядъ пѣхоты на сухую землю, сбить съ мѣста одинъ корпусъ Польскаго войска и очистить себѣ дорогу къ ретирадѣ. Но когда отрядъ, состоявшій изъ храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ козаковъ, началъ переходить по узкому, едва державшемуся на болотѣ мосту, въ остальномъ козацкомъ войскѣ разнесся слухъ, что старшины уходятъ изъ лагеря. Произошло страшное волненіе, поднялся крикъ, и всѣ, бросивъ обозъ и пушки, обратились въ бѣгство черезъ болото. Непрочный мостъ скоро былъ совсѣмъ втоптанъ въ грязь. Козаки, толкая одинъ другаго, погрязали въ болотѣ; другіе бѣжали по го-

ловамъ своихъ потопающихъ товарищей и, недержась никакаго порядка, уходили, кто куда попалъ. Поляки сперва не знали, что значитъ эта суматоха въ козацкомъ войскѣ; наконецъ, видя козаковъ бѣгущихъ въ безпорядкѣ по полю, стали ихъ преслѣдовать и овладѣли безъ всякаго усилія козацкимъ лагеремъ Около пятидесяти тысячь козаковъ погибло подъ Берестечкомъ; прочіе съ трудомъ достигли Украины и собирались къ Хмельницкому по десяткамъ и по сотнямъ, изнуренные голодомъ и усталостью.

Хмельницкій однакожъ не упалъ духомъ. Подвигаясь медленно во глубину Украины, онъ вновь составилъ сильное ополченіе. Потеря обоза и артиллеріи также его не обезоружила. Въ козацкихъ городахъ такъ много было тогда запасныхъ пушекъ, добытыхъ въ счастливыя войны 1648 и 1649 годовъ, что Хмельницкому не трудно было сформировать новую артиллерію. Онъ укрѣпился подъ городомъ Бѣлою-Церковью и ждалъ своихъ торжествующихъ непріятелей.

Поляки думали, что Хмельницкій теперь отъ нихъ старается скрываться, и къ изумленію своему открыли подъ Бѣлою-церковью сильное

козацкое войско. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ, но нерѣшительныхъ битвъ, обѣ стороны начали думать о мирѣ: Поляки потому, что пора было распустить посполитое рушеніе, требовавшее большихъ издержекъ, а козаки потому, что желали поскорѣе отдѣлаться отъ Поляковъ. Хмельницкій согласился, чтобъ войска козацкаго было только двадцать тысячъ; сдѣланы были еще нѣкоторыя уступки противъ Сборовскаго договора. Онъ желалъ только, чтобъ Поляки, удалившись изъ Украины, дали ему возможность привести свои дѣла въ порядокъ.

Въ слѣдующемъ году Хмельницкій женилъ своего сына Тимоѳея на дочери Молдавскаго господаря. Молодой Хмельницкій нѣсколько разъ разбилъ войско Польскихъ пановъ, которые безъ вѣдома короля противодѣйствовали ему и нападали на свадебный его поѣздъ, состоявшій изъ десяти тысячъ козаковъ. Это повлекло за собою рядъ новыхъ войнъ. Наконецъ, когда сынъ Хмельницкаго отправился къ своему тестю въ помощь противъ его непріятелей, Поляки вмѣстѣ съ Волохами и прочими мародерами атаковали его близь города Сучавы. Молодой Хмельницкій вошелъ въ городъ и

послалъ гонца къ отцу за вспомогательнымъ войскомъ. Гетманъ немедленно послалъ ему въ помощь козацкій корпусъ, но козаки нашли Тимоѳея Хмельницкаго уже мертвымъ. Когда онъ, осматривая городскія укрѣпленія, ходилъ по валамъ, непріятели направили на него пушечный выстрѣлъ. Ядро оторвало ему руку, и онъ скоро умеръ отъ этой раны. Смерть молодаго Хмельницкаго была важною потерею для Украины. Онъ былъ одаренъ всѣми способностями своего отца, и безъ сомнѣнія привелъ бы въ исполненіе обширные его планы.

Въ 1654 году января 8 совершилось наконецъ соединеніе Украины съ царствомъ Московскимъ. Это событіе, послѣ освобожденія отъ Татарскаго ига, было самое благодѣтельное для Русскаго государства; ибо, вспомоществуемая козаками, Россія взяла съ того времени рѣшительный перевѣсъ надъ Польшею, которая довела было ее до послѣдняго изнеможенія. По этому имя Богдана Хмельницкаго должно быть почтенно не только для Украинца, но и для всякаго Русскаго. Статьи договора, заключеннаго Хмельницкимъ съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, начинались такъ: «Въ началѣ изволь Твое Царское Величество подтвердити

права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войску Запорожскомъ.» Далѣе сказано, что козаки будутъ судиться своими правами, что никто изъ Московскихъ воеводъ и чиновниковъ не въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ расправу (гдѣ два козака, тамъ они третьяго судить могутъ), что у козаковъ будетъ шестьдесять-тысячъ войска, что гетманъ будетъ имѣть право принимать у себя иностранныхъ пословъ, что всѣ чиновники для управленія народомъ будутъ избираемы изъ Украинцевъ, и проч.

Вѣсть о соединеніи Украины съ царствомъ Московскимъ встревожила почти всѣ дворы Европейскіе: всѣмъ было ясно, что Россія, ослабенная самозванцами и междоусобіями, теперь вдругъ усилится и возметъ верхъ надъ своими врагами; а съ нею всѣмъ гораздо опаснѣе было имѣть дѣло, нежели съ Польшею. Хмельницкій отвсюду получалъ угрозы и выговоры. Многіе владѣтели настаивали, чтобъ онъ разорвалъ союзъ съ Московскимъ Царемъ и оставался неутральнымъ. Турки и Татары объявили ему войну. Поляки также готовились къ походу въ Украину. Но Хмельницкій двинулъ два сильные корпуса козацкіе къ грани-

цамъ Турецкимъ и Татарскимъ и удержалъ невѣрныхъ отъ вторженія въ Украину. Между тѣмъ третій корпусъ его войскъ, въ соединеніи съ Московскою арміею, напалъ на Польскія владѣнія со стороны Бѣлоруссіи, взялъ Смоленскъ, Гомель, Быховъ и проникъ до самой Вильны. Съ другой стороны самъ Хмельницкій съ остальнымъ войскомъ опять прошелъ по слѣдамъ прежнихъ своихъ походовъ до Львова, Бродъ и Замостья. А въ слѣдующемъ году Карлъ X, король Шведскій, вспомоществуемый десятитысячнымъ козацкимъ корпусомъ, вторгнулся въ средину Польскаго королевства и взялъ города Краковъ и Варшаву. Польша тогда непремѣнно кончила бы свое политическое существованіе, еслибъ нѣкоторыя Европейскія государства не поддержали ее. Они боялись усиленія Россіи и Швеціи и потому побудили Датскаго короля объявить Шведамъ войну. Карлъ X, узнавъ неожиданно, что Датчане уже вступили въ Швецію, долженъ былъ оставить свои завоеванія въ Польшѣ и спѣшилъ защитить свое отечество.

Король Польскій началъ всѣми мѣрами искать союза съ Хмельницкимъ; но Хмельницкій отвѣчалъ королю, что тогда только присту-

нитъ съ нимъ къ договорамъ, когда Польша торжественно признаетъ Украину страною вольною, какъ назадъ тому десять лѣтъ Испанскій король призналъ вольными Нидерланды. Тогда явились къ нему въ Чигиринъ послы отъ Римскаго императора и отъ Турецкаго султана съ требованіемъ соединиться опять на выгодныхъ для козаковъ правахъ съ Польшею; въ противномъ случаѣ угрожали ему со всѣхъ сторонъ войною. Но Хмельницкій никого не боялся. Сдѣлавши Украину спорнымъ яблокомъ для сосѣднихъ государствъ, онъ съ необыкновеннымъ искуствомъ приводилъ ихъ между собою въ столкновеніе и, можетъ быть, выжидалъ только благопріятнаго времени, чтобъ воспользоваться своею политикою. Къ несчастью смерть слишкомъ рано похитила его у Украины, и цѣль, къ которой онъ стремился, осталась для насъ тайною. Онъ умеръ въ 1657 году. Когда выстрѣлъ изъ ломовой пушки далъ знать жителямъ Чигирина о его кончинѣ, плачь и рыданія раздались во всѣхъ домахъ и на улицахъ: «Кто теперь защититъ насъ отъ враговъ нашихъ?» восклицалъ народъ. «Померкло наше солнце! остались мы врагамъ на расхищеніе!»

«То не черныя тучи,» говоритъ козацкая пѣсня, «свѣтлое солнце закрывали, не буйные вѣтры въ темномъ лѣсу бушевали: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали!»

Глава пятая.

Козаки, привыкнувъ съ именемъ Хмельницкаго соединять побѣду и славу, избрали гетманомъ меньшаго сына его Юрія, юношу слабодушнаго и совершенно неспособнаго къ трудной при тогдашнихъ обстоятельствахъ роли гетмана. Генеральный писарь Выговскій, человѣкъ талантливый и образованный, будучи опекуномъ молодаго гетмана, заставилъ его отказаться отъ его сана и былъ провозглашенъ гетманомъ. Не всѣ однакожъ козаки на это согласились, и сильнѣйшимъ противникомъ Выговскаго былъ полковникъ Полтавскій Пушкарь. Вокругъ Пу-

шкаря собрались всѣ недовольные Выговскимъ, и тотъ, чтобъ уничтожить своихъ враговъ долженъ былъ искать иноземной помощи. Воюя съ своимъ противникомъ, Выговскій въ то же время стремился къ возвышенію Украины на степень независимой области. Въ 1658 году созвалъ онъ раду подъ Гадячемъ и объявилъ, что Украина на правахъ независимаго княжества заключаетъ союзъ съ Польшею, съ тѣмъ чтобы общими силами защищать себя отъ сосѣднихъ народовъ. Замѣчательнѣйшіе пункты этаго договора были слѣдующіе: 1) Украинцы не будутъ давать въ Польскую казну никакихъ податей; 2) они будутъ имѣть свои Академіи и типографіи; 3) гетманъ будетъ чеканить въ Украинѣ монету; 4) онъ будетъ возвышать козаковъ въ дворянское достоинство; 5) въ случаѣ войны Польскаго королевства съ царствомъ Московскимъ козаки могутъ оставаться неутральными. Если бы такой договоръ заключилъ гетманъ, любимый народомъ, можетъ-быть, онъ и состоялся бы; но къ Выговскому партія Пушкаря поселила въ народѣ недовѣрчивость и ненависть; а потому Гадячскій договоръ одобрили только гетманскіе сторонники.

Пушкарь доносилъ нѣсколько разъ Московскому Царю о союзѣ Выговскаго съ Поляками: Выговскій между тѣмъ своими письмами увѣрялъ Царя нетолько въ своей преданности, но даже и въ томъ, что Поляки по смерти своего короля намѣрены признать Царя королемъ Польскимъ и соединить Польшу съ Московскимъ государствомъ. Царь долго вѣрилъ Выговскому: наконецъ Московскіе послы донесли ему изъ Варшавы, что Поляки надъ ними только трунятъ и о трактатахъ вовсе не думаютъ. Тогда Царь шлетъ въ Украину войско, будто бы въ помощь Выговскому противъ Пушкаря, а въ самомъ дѣлѣ съ приказаніемъ напасть на Выговскаго и захватить его въ плѣнъ.

Выговскій съ своей стороны показываетъ видъ, будто ждетъ царскаго войска съ нетерпѣніемъ; но пока Московская рать достигла Украины, онъ съ помощью союзнаго Татарскаго и Польскаго войска разбилъ на голову Пушкаря и встрѣтилъ ее въ боевомъ порядкѣ подъ городомъ Конотопомъ. Здѣсь произошло жаркое сраженіе, и Выговскій одержалъ совершенную побѣду. Семь полковъ Московскихъ легло на полѣ битвы, и множество людей перетонуло въ рѣкѣ Сеймѣ. Побѣдители гнались

за бѣгущими три дня и истребили почти до остатка Московское войско. Причиною такаго ожесточенія Украинцевъ было то, что Московское войско, вступивъ въ Украину, обходилось съ народомъ непріятельски, называя всѣхъ *Выговцами*, грабя и разоряя все, что ни попадалось ему на пути. Это заставило вооружиться противъ Москвитянъ даже и противниковъ Выговскаго.

Послѣ Конотопской побѣды, казалось, Выговскій могъ бы утвердиться въ Украинѣ. Но онъ стремясь къ своей цѣли, упустилъ изъ виду главнѣйшій пунктъ — не пріобрѣлъ любви народа. Многіе города отказались повиноваться; въ Чигиринѣ собралась рада для избранія новаго гетмана. Выговскій, явясь въ народное собраніе съ своими сторонниками, началъ передъ войскомъ читать Гадячскій договоръ съ Польшею и доказывать, какъ онъ выгоденъ для Украины. Но народу и самое имя Польши было ненавистно. Раздались укоризны Выговскому: козаки громко кричали, что онъ подъ видомъ блага отечества ищетъ только княжеской власти надъ своими земляками, что такой договоръ былъ бы выгоденъ со всякою другою націею, но Полякамъ ни въ одномъ словѣ вѣ-

рить не должно, что всѣ эти выгоды и права сулятъ они Украинцамъ только для того, чтобъ отдѣлить ихъ отъ Московскаго царства и потомъ мало-помалу опять прибрать къ своимъ рукамъ; наконецъ объявлено было Выговскому желаніе народа избрать себѣ новаго гетмана. Сторонники Выговскаго стали было возражать и оспаривать его права на гетманство, но другіе козаки напали на нихъ съ саблями. Многіе были изрублены въ куски, а самъ Выговскій съ тысячью своихъ тѣлохранителей едва могъ уйти изъ собранія и бѣжалъ въ Польшу. Чигиринская рада избрала гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Новый гетманъ съ Московскимъ воеводою Шереметевымъ, пошелъ въ Польскія провинціи и взялъ нѣсколько городовъ. Во время похода они условились, что вся добыча, какую получатъ на войнѣ, будетъ раздѣлена между козаками и Московскимъ войскомъ поровну; но когда дошло до раздѣла, Шереметевъ присвоилъ себѣ всю добычу и съ безчестіемъ прогналъ Хмельницкаго изъ своей палатки. Этимъ оскорблены были всѣ козаки и рѣшились отомстить корыстолюбивому и надменному воеводѣ. Случай къ тому скоро представился. У Чуднова По-

ляки и Татары атаковали Шереметева, и Хмельницкій вмѣсто того, чтобъ помогать ему, соединился съ Поляками на Гадячскихъ условіяхъ. Шереметевъ былъ разбитъ и отданъ въ неволю Татарамъ; остатокъ его войска обезоруженъ и также отогнанъ въ Крымъ.

Мѣра Хмельницкаго была однакожъ несогласна съ духомъ Украинцевъ: союзъ съ Поляками былъ для нихъ ненавистенъ, и потому лѣвая сторона Днѣпра отложилась отъ гетмана, признала своимъ временнымъ или *наказнымъ* гетманомъ Переяславскаго полковника Сомка и объявила себя преданною Московскому Царю. Юрій съ помощью Поляковъ и Татаръ нѣсколько разъ покушался овладѣть всею Украиною, но послѣ многихъ неудачныхъ сраженій отказался отъ своего предпріятія, передалъ гетманскую власть зятю своему Тетерѣ, а самъ удалился въ монастырь.

И-такъ въ Украинѣ было теперь два гетмана: Тетеря признавалъ протекцію Польскаго короля, а Сомко протекцію Царя Московскаго. Сомко былъ одаренъ отличными воинскими способностями, но не могъ спокойно гетманствовать: онъ имѣлъ много враговъ. Враги доносили на него Царю, будто бы онъ только притворяется

усерднымъ союзникомъ царства Московскаго, а утвердившись на гетманствѣ, намѣренъ не иначе остаться въ протекціи Царя, какъ на основаніи Гадячскаго договора. Царь послѣ дѣлъ съ Выговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ не могъ ни на кого положиться, а потому и не признавалъ Сомка гетманомъ.

Между тѣмъ въ Украинѣ открылись внутренніе раздоры между простымъ классомъ народа, козаками и дворянствомъ. По изгнаніи изъ Украины пановъ, Поляковъ, всѣхъ вообще католиковъ и Жидовъ, земли Украинскія остались въ распоряженіи козацкаго правительства. Козаки утвердили ихъ однѣ за монастырями, другія за старшинами козацкими въ видѣ жалованья или аренды, третьи раздѣлили между козаками и мѣщанами. Мужики жили по большей части на земляхъ монастырскихъ, козацкихъ и мѣщанскихъ, отбывая за то владѣльцамъ земель извѣстныя повинности и платя условленный оброкъ. Если же жили на земляхъ свободныхъ, то взносили подати, равно какъ и мѣщане, въ Московскую казну и управлялись собственными выборными подъ председательствомъ козацкихъ старшинъ. Въ началѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ

Поляками на сторонѣ козаковъ была вся чернь, а на сторонѣ Поляковъ все дворянство Украинское. Чернь стремилась освободиться навѣки отъ крестьянства; дворянство всѣми силами старалось удержать надъ нею свою власть. Такъ какъ Хмельницкій дѣйствовалъ во имя свободы Греческаго исповѣданія, то дворяне Украинскіе изъ ненависти къ своимъ противникамъ предались окончательно католичеству, и во время войнъ Хмельницкаго сдѣлались католиками даже и тѣ, которые до тѣхъ поръ исповѣдовали еще Греческую вѣру. Остались при своей прежней религіи только немногіе. Эти-то немногіе дворяне, видя, что козаки берутъ надъ Поляками верхъ, перешли на сторону Хмельницкаго, и какъ дворянское достоинство въ козацкомъ войскѣ ничего не значило, то они спрятали тогда подальше свои грамоты, приняли простые обычаи козацкіе и воевали въ рядахъ козацкихъ противъ дворянъ, преданныхъ Полякамъ. Хмельницкій принялъ ихъ благосклонно, возвратилъ имъ прежнія ихъ помѣстья и даже въ договорѣ съ Царемъ Московскимъ написалъ о нихъ особую статью. Теперь, подъ правленіемъ Сомка, эти дворяне продолжали владѣть своими землями и хотя обходились съ своими под-

данными гораздо мягче, нежели во время владычества Поляковъ, однакожъ давали иногда чувствовать народу, что крестьянство не совсѣмъ еще искоренено въ Украинѣ. Прочіе поселяне были также недовольны своими владѣльцами, ибо хотя и можно было всякому поселянину оставлять однаго владѣльца земли и переходить къ другому, однакожъ владѣльцы разными средствами умѣли ихъ удерживать на своихъ земляхъ, отягощали повинностями и даже обходились съ ними иногда, какъ съ дѣйствительными крестьянами. Мѣщане тоже терпѣли утѣсненія отъ козацкихъ старшинъ, предсѣдательствовавшихъ въ магистратахъ и ратушахъ

Этими непріязненными отношеніями сословій воспользовался самымъ неблагороднымъ образомъ злѣйшій врагъ Сомка запорожскій кошевой атаманъ Бруховецкій. Посредствомъ своихъ агентовъ въ Москвѣ, пріобрѣтенныхъ золотомъ, онъ расположилъ въ свою пользу Царя, а посредствомъ сообщниковъ своихъ въ Украинѣ, вооружилъ противъ Сомка Нѣжинскаго полковника Золотаренка, которому обѣщалъ доставить гетманство. Въ то же время испросилъ онъ у Царя позволеніе созвать для избранія гетмана

такъ называемую *черную раду*, т. е. совѣтъ, состоящій нетолько изъ козаковъ, но и изъ простой черни. Здѣсь онъ искусно внушилъ простолюдинамъ, мѣщанамъ и козакамъ, что дворяне и старшины козацкіе стремятся сдѣлать всѣ низшія сословія своими рабами, что онъ съ Запорожцами хочетъ за нихъ вступиться и сдѣлать всѣхъ ихъ свободными и ни отъ кого независящими. Въ слѣдствіе этаго черная рада избрала гетманомъ Бруховецкаго, а Сомко, Золотаренко и другіе, противодѣйствовавшіе этому избранію, были арестованы и по общему приговору казнены.

Что же сдѣлалъ Бруховецкій съ народомъ, который избралъ его гетманомъ, надѣясь получить во владѣніе земли наравнѣ съ прочими сословіями? Онъ дѣйствительно отнялъ у дворянъ и старшинъ козацкихъ имѣнія, но роздалъ ихъ преданнымъ себѣ Запорожцамъ и, чтобъ привязать къ себѣ войско, давалъ козакамъ потачку во всемъ, что они ни дѣлали съ поселянами. Видя однакожъ, что число недовольныхъ слишкомъ велико и что народъ Украинскій, сдѣлавшись послѣ долгихъ своихъ войнъ отважнымъ и предпріимчивымъ, можетъ возстать противъ него, несмотря и на преданность

къ нему козаковъ, Бруховецкій рѣшился пріобрѣсть себѣ защитника въ Московскомъ правительствѣ. Согласясь съ козацкими старшинами, онъ отправился въ Москву и *ударилъ Царю челомъ всѣми городами Украинскими*, т. е. отказался отъ владѣнія землями Украинскими и предоставилъ ихъ во власть Царю. Въ договорѣ своемъ съ Царемъ (называющемся *Московскими статьями*) онъ обезпечилъ только права козацкія, впрочемъ отказался отъ своего права принимать иноземныхъ пословъ.

Въ слѣдствіе этаго *удара челомъ* Царь прислалъ во всѣ Украинскіе города своихъ воеводъ со множествомъ разнаго рода чиновниковъ и съ одинадцатью тысячами войска, которое размѣстилось по разнымъ Украинскимъ крѣпостямъ. Московскіе чиновники описали все имущество мѣщанъ и поселянъ, и всѣ источники доходовъ обложили налогами. Со всего привозимаго на рынокъ и вывозимаго оттуда брали они пошлину, а за всякую утайку жестоко наказывали. Новость эта сильно не поправилась Украинцамъ. Ропотъ на гетмана раздавался повсюду, и возстаніе противъ воеводъ и ихъ чиновниковъ было неизбѣжно.

Волненіе умовъ увеличилось еще отъ однаго

обстоятельства. Московскій Царь заключилъ съ Польшею въ Андрусовѣ договоръ, по которому правый берегъ Днѣпра уступался Полякамъ, и Царь обѣщалъ еще дать Польшѣ вспомогательное войско для приведенія тамошнихъ жителей въ повиновеніе. Вѣсть объ этомъ договорѣ возбудила всеобщее негодованіе. Многіе говорили, что лѣвый берегъ Днѣпра будетъ также возвращенъ Полякамъ. Почти въ то же время Бруховецкій получилъ отъ Царя грамоту съ объявленіемъ, что нѣсколько тысячъ Московскаго войска расположится въ Украинѣ на зимнихъ квартирахъ. Народъ и козаки ужаснулись. Они не понимали, зачѣмъ придетъ это войско, когда съ сосѣдями нѣтъ никакой войны, и всѣ начали вѣрить, что дѣйствительно Украина возвращена будетъ Польшѣ.

Епископъ Меѳодій писалъ къ Бруховецкому: «*Ради Бога, не плошай!* Теперь идетъ торгъ о *насъ*. Хотятъ, взявши за шею, выдать Ляхамъ. Окружай себя болѣе Запорожцами: укрѣпляй также своими людьми порубежные города. Мила мнѣ отчизна: горе, если поработятъ ее *Ляхи и Москали!*»

За Днѣпромъ въ это время на мѣсто Тетеры избранъ былъ гетманомъ Петръ Дорошенко.

Онъ также писалъ къ Бруховецкому: «Такой начальникъ надъ народомъ, какъ ты, повиненъ суду Божіему и человѣческому. Народъ, ввѣрившій тебѣ судьбу свою, пролилъ неизсчетное количество крови, ведя долголѣтнія войны съ Поляками за свою свободу. Какую жъ онъ теперь имѣетъ свободу? По истинѣ никакой! Годичные труды и все, пріобрѣтенное потомъ, отнимаютъ у него воеводы и приставы. Судъ и расправа въ ихъ же рукахъ. Что же осталось бѣдному народу? Одна бѣдность и стенаніе! Ты уподобляешься такому пастуху, который держитъ корову за рога, а другіе для себя ее доятъ. Когда нѣтъ у тебя своей силы и отваги, то можно поискать и посторонней; и когда нѣтъ у Христіянъ правды, то можно поискать ее и у иновѣрцевъ? . . .»

Это письмо надоумило Бруховецкаго. По совѣту Запорожцевъ онъ рѣшился просить протекціи у Турецкаго султана. Отправлены были послы въ Царьградъ и въ Крымъ, а между-тѣмъ въ ожиданіи оттуда помощи козаки начали вытѣснять воеводъ изъ Украинскихъ городовъ. Но союзъ Бруховецкаго съ невѣрными былъ не по сердцу большей части подвластныхъ ему козаковъ, и они отправили къ за-Днѣпров-

скому гетману Дорошенку депутатовъ съ предложеніемъ принять и лѣвый берегъ Днѣпра подъ свое начальство. Дорошенко переправился черезъ Днѣпръ и шелъ къ Бруховецкому будто бы на помощь противъ воеводъ, но у села Опошни козаки схватили Бруховецкаго и привели къ Дорошенку. Дорошенко исчислилъ ему всѣ его злодѣйства и выдалъ его озлобленному народу на казнь.

Такимъ образомъ Дорошенко безъ труда сдѣлался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, но не надолго. Когда онъ отлучился по семейнымъ дѣламъ въ Чигиринъ, его намѣстникъ Демьянъ Многогрѣшный созвалъ раду и представилъ козакамъ, что, какъ теперь Московскій Царь по Андрусовскому договору условился съ Польскимъ королемъ помогать другъ другу въ усмиреніи Украины, то козакамъ придется воевать противъ двухъ государствъ. «Слѣдствіемъ этаго, говорилъ онъ, будетъ совершенное истребленіе козаковъ и порабощеніе нашей родины. А потому гораздо благоразумнѣе держаться намъ при царствѣ Московскомъ.» Рада согласилась съ его доводами, и Многогрѣшный, будучи избранъ гетманомъ, заключилъ съ Царемъ въ Глуховѣ новый договоръ,

гораздо выгоднѣйшій, нежели Московскій договоръ Бруховецкаго. Впрочемъ по этому договору Украина была признана раздѣленною, или, какъ говорилъ Дорошенко, «разодранною» на двѣ части; а это раздѣленіе имѣло самыя бѣдственныя для нея послѣдствія.

Глава шестая.

Поступокъ Многогрѣшнаго поставилъ Дорошенка между трехъ непріятелей. Польское правительство вооружилось противъ него за самовольный походъ на лѣвый берегъ Днѣпра и провозгласило Украинскимъ гетманомъ Ханенка; Многогрѣшный естественно былъ ему врагъ; Запорожцы на него озлились за убійство любимца ихъ, Бруховецкаго. Горько было Дорошенку видѣть разъединеніе Украины, и онъ рѣшился испытать послѣднее средство къ ея возсоединенію — призналъ своимъ покро-

вителемъ Турецкаго Султана. Султанъ прислалъ ему знамя съ изображенiемъ полумѣсяца и шесть тысячь вспомогательнаго Татарскаго войска. Съ этими силами Дорошенко надѣялся уничтожить Многогрѣшнаго, отправилъ противъ него нѣсколько полковъ за Днѣпръ; но Москвитяне поддержали преданнаго имъ гетмана, и походъ этотъ не удался. Война съ Ханенкомъ была также безуспѣшна. Многiе города вознегодовали на Дорошенка за союзъ съ Турецкимъ Султаномъ и признали гетманомъ своимъ Ханенка, котораго поддерживали Запорожцы и Поляки. Въ этой крайности Дорошенко убѣдилъ Турецкаго Султана итти войной на Польшу. Онъ надѣялся, уничтоживъ Польшу, отдѣлить отъ нея всѣ провинцiи, въ которыхъ говорятъ южно-Русскимъ языкомъ и образовать изъ нихъ особое княжество. Въ 1672 году Султанъ Магометъ IV вступилъ въ Польскiя владѣнiя и взялъ Каменецъ-Подольскiй. Оттуда его войска проникли въ Волынь и въ Галицiю. Все передъ ними бѣжало и падало. Предвидя гибель Польши, король поспѣшилъ предложить Султану миръ на самыхъ тяжкихъ для себя условiяхъ, отказался отъ Украины, Подолiи, Волыни и обязался платить Султану ежегодно

извѣстную дань. Миръ этотъ огорчилъ Дорошенка: надежды его не сбылись.

Въ слѣдующемъ году умеръ Польскій король, Михаилъ. Многіе сосѣдніе принцы надѣялись получить Польскую корону, въ томъ числѣ и Царь Алексѣй Михайловичь; но Поляки избрали своего соотечественника Собѣскаго. Алексѣй Михайловичь счелъ себя тогда въ правѣ нарушить Андрусовскій договоръ и присоединить къ своему государству уступленную прежде Польшѣ правую сторону Днѣпра. Избранный на мѣсто Многогрѣшнаго гетманъ Самуйловичъ переправился съ козаками и со вспомогательнымъ Московскимъ войскомъ черезъ Днѣпръ и провозгласилъ соединеніе съ царствомъ Московскимъ. Дружба Дорошенка съ Турками была ненавистна Заднѣпровскимъ козакамъ, и всѣ города, кромѣ Чигирина и Паволочи, признали своимъ гетманомъ Самуйловича, а покровителемъ Царя Московскаго. Самъ гетманъ Ханенко отказался отъ своего сана и удовольствовался званіемъ Уманскаго полковника. У Дорошенка оставалось въ распоряженіи только двѣ тысячи войска; онъ заперся въ Чигиринѣ, отбивался отъ непріятеля въ тридцать разъ многочисленнѣйшаго, и на предложенія о сдачѣ, отвѣчалъ: «Скорѣе

сяду на пороховую бочку и взорву себя на воздухъ.» Надежда на скорую помощь отъ Турецкаго Султана подкрѣпляла его. Въ самомъ дѣлѣ Султанъ шелъ въ Украину, и осаждающіе при одной вѣсти объ этомъ оставили Чигиринъ и удалились за Днѣпръ. Озлобленный противъ своихъ городовъ, Дорошенко, съ помощью Турковъ, бралъ ихъ приступомъ одинъ за другимъ, истребляя множество народа. Невѣрность его друзей, начиная отъ Многогрѣшнаго до сторонниковъ Самуйловича, вѣчныя войны то наступательныя, то оборонительныя, и неудачный ходъ его плана ожесточили пылкій его характеръ. Сперва онъ думалъ возсоединить Украину посредствомъ общаго согласія, теперь рѣшился дѣйствовать силою и не щадилъ ни городовъ, ни селъ Украинскихъ. Турки помогли ему возстановить его власть въ западной Украинѣ, но когда они удалились, Украинскіе города опять отпали отъ Дорошенка подъ власть короля Польскаго. Дорошенку остались вѣрными только Чигиринская и Паволочская области. Призвавъ къ себѣ на помощь Татаръ, онъ смѣло противустоялъ Польшѣ, всей почти Украинѣ и Московскому царству. Но когда Поляки взяли наконецъ верхъ надъ

Турками, его союзниками, и отрѣзали ихъ отъ Украины, а съ другой стороны гетманъ Самуйловичъ со всѣми козаками и Московскимъ вспомогательнымъ войскомъ осадилъ его въ Чигиринѣ, сопротивленіе сдѣлалось для него невозможнымъ. Ему предложили отказаться отъ гетманскаго сана и жить въ Украинѣ частнымъ человѣкомъ. Дорошенку оставалось или погибнуть, или сдаться, и онъ сдался въ надеждѣ осуществить свой планъ при лучшихъ обстоятельствахъ.

Война въ Заднѣпровской Украинѣ этимъ однакожъ не кончилась. Турки, считая ее подвластною себѣ страною, долго воевали съ Россіею за Чигиринъ и опустошали весь правый берегъ Днѣпра, такъ что когда наконецъ удалились, Россіи досталась одна пустыня съ разоренными городами, съ выжженными селами, съ невспаханными полями. Остатокъ жителей былъ волею и неволею переселенъ на лѣвую сторону, а правая, гдѣ нынѣ Чигиринъ, Черкасы и Умань, отъ Днѣпра до Буга, оставлена на произволъ судьбы, и долго не было вопроса, кому она принадлежитъ: Россіи, или Польшѣ. Послѣ Турецкой войны эта пустыня сдѣ

лалась почти ненужною ни тому, ни другому государству.

Теперь нужно вамъ сказать, что когда въ 1665 году Бруховецкій *ударилъ* въ Москвѣ *челомъ*, ему дали санъ боярина, а всѣхъ бывшихъ при немъ старшинъ козацкихъ наградили дворянскимъ достоинствомъ. Эти старшины, вышедшіе съ нимъ на черную раду изъ Запорожской Сѣчи, были люди неграмотные, грубые, неимѣвшіе понятія о національной чести. Захвативъ обманомъ и вѣроломствомъ въ свои руки высшія должности въ Украинѣ, они для своей безопасности предали воеводамъ низшія сословія, а когда увидѣли для себя опасность съ другой стороны, обратились противъ воеводъ. По смерти Бруховецкаго, многіе изъ нихъ удалились въ Запорожье, но корень этого дворянства, заслуженнаго столь недостойнымъ образомъ, остался въ Украинѣ и произвелъ свойственные ему плоды. *Высшія мѣста* стали пріобрѣтать посредствомъ искательства у знатныхъ, посредствомъ лести Московскимъ вельможамъ, посредствомъ притворной преданности Московскому правительству. Низшія сословія мало по малу удалены были отъ участія въ выборахъ старшинъ и другихъ дѣлахъ, рѣшав-

шихся прежде большинствомъ голосовъ. Немногіе только думали о сохраненіи правъ Богдана Хмельницкаго, прочіе заботились о личной выгодѣ. Отъ ослабленія демократической партіи Московскіе вельможи пріобрѣли великое вліяніе на дѣла Украины и, держа въ зависимости отъ себя недостойныхъ ея представителей, дѣлали съ этою жалкою областью все, что хотѣли. Съ этаго-то времени начинается то обезсмысленіе простолюдиновъ Украинскихъ, то невѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ прочимъ сословіямъ, въ которомъ видимъ мы ихъ въ наше время. При Богданѣ Хмельницкомъ судебные законы жили въ устахъ народа, который изрекалъ приговоры, будучи созываемъ на небольшія рады въ селахъ и на важныя въ городахъ; каждый зналъ тогда, что онъ дѣйствительный членъ націи, каждый обращалъ въ своей головѣ политическія идеи: не ограничивался только своимъ домомъ, своимъ селомъ, городомъ; мысль его была такъ широка, какъ широка Украина, и все, что учреждено было въ Украинѣ, было всякому хорошо извѣстно; избраніе ли гетмана, война ли съ сосѣдями, договоръ ли съ иностранною державою, — все это проходило чрезъ всѣ головы, проникало во

всѣ души. По этому *образованность* народа Украинскаго, въ извѣстномъ значенiи этаго слова, была тогда на высокой степени, и если бы продолжился порядокъ вещей, установленный Богданомъ Хмельницкимъ, въ Украйнѣ цивилизацiя такъ же прочно развилась бы изъ собственныхъ началъ, какъ и въ западныхъ странахъ Европы. Но *ударъ чела* Бруховецкаго и порожденное имъ господство однаго сословiя вмѣстѣ съ господствомъ воеводъ ослабили развитiе въ Украинѣ политическаго тѣла въ самой его юности, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше народъ становился безсильнымъ, безгласнымъ и наконецъ безсмысленнымъ! Вотъ исторiя Украинскаго народа, исторiя грустная, печальная, какъ поминальная пѣсня! Напрасно наши Украинскiе историки вдаются въ подробное изложенiе событiй послѣдующихъ: то уже исторiя не народа, а гетмановъ, которыхъ народъ не избиралъ, которымъ не сочувствовалъ и о которыхъ теперь даже не помнитъ *. Я кратко пройду неутѣшительный рядъ остальныхъ правителей Украины.

* Это фактъ. Въ Украинѣ знаютъ Наливайка, Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго, Дорошенка, но не помнятъ послѣднихъ, близкихъ къ нашему времени гетмановъ.

Послѣ Самуйловича избранъ былъ гетманомъ Иванъ Мазепа, но избранъ не народомъ, не войскомъ, а партіею пановъ Украинскихъ, поклонявшеюся любимцу Царевны Софіи, Голицыну. Царь Петръ тогда еще былъ малолѣтенъ. Извѣстно, какъ Мазепа умѣлъ пріобрѣсть его довѣренность, какъ помогалъ ему въ послѣдствіи въ Азовскихъ походахъ, какъ сдѣлался ближайшимъ его совѣтникомъ. Между тѣмъ онъ питалъ тайную надежду на самостоятельность Украины. Мазепа постигалъ, что Украина, по демократическому своему образованію, не можетъ отдѣльно существовать иначе, какъ въ видѣ республики, что для этаго народа понятно право вѣчеваго только закона и что всякій самовласный гетманъ не найдетъ въ немъ себѣ усердныхъ подданныхъ. Между тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что нація можетъ прочно усилиться только *совокупною свободною* дѣятельностью всего народа, и что насильственная дѣятельность никогда не дѣлала націи великою. Въ слѣдствіе этихъ убѣжденій, онъ начерталъ особенный планъ для Украины. Тогда король Шведскій Карлъ XII началъ войну съ Царемъ Петромъ I. Мазепа, притворяясь вѣрнымъ союзникомъ Петра, заключилъ съ королями Поль-

скимъ и Шведскимъ тайный договоръ, по которому онъ обѣщалъ имъ помогать противъ Москвитянъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи войны онъ, оставаясь гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожья, признанъ былъ ни отъ кого независимымъ владѣтельнымъ *княземъ Сѣверскимъ.* Княжество это предполагалось составить изъ земель, завоеванныхъ у Царя Петра. Такимъ образомъ Мазепа, желая короны, не хотѣлъ или не смѣлъ носить ее въ Украинѣ. Но этотъ планъ, остался безъ исполненія. Украинцы не любили Мазепы, какъ гетмана, избраннаго не по волѣ народа, и, когда онъ провозгласилъ союзъ съ Карломъ XII и войну съ Царемъ Петромъ, только малая часть козаковъ осталась подъ его знаменами; прочіе приняли сторону Московскаго Царя, а простолюдины встрѣтили Шведовъ въ своей землѣ какъ непріятелей, истребляли ихъ, гдѣ только могли, и въ теченіе зимы уменьшили Шведскую армію до половины. Въ битвѣ подъ Полтавою козаки съ ожесточеніемъ сражались на сторонѣ Царя Петра и много содѣйствовали ему одержать столь важную по ея послѣдствіямъ побѣду. Мазепа бѣжалъ

съ Карломъ XII въ Турцію и умеръ тамъ отъ горести.

Возстаніе Мазепы имѣло важное вліяніе на судьбу Украины. Царь Московскій рѣшился съ этаго времени уравнять права Украинскія съ правами государства Московскаго. На мѣсто Мазепы онъ избралъ гетманомъ Скоропадскаго, человѣка съ такимъ слабымъ характеромъ, что могъ быть совершенно спокоенъ на счетъ его предпріимчивости; подчинилъ гетмана вѣдомству министровъ и даже приставилъ къ нему своего боярина для надзора за всѣми его дѣйствіями и совѣта во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. При избраніи Скоропадскаго въ гетманы потвердилъ договоръ Богдана Хмельницкаго, но послѣ ограничилъ такими пунктами, что договоръ этотъ потерялъ всю свою силу. Чтобъ обезсилить козаковъ, Царь посылалъ ихъ рыть каналы и насыпать земляныя укрѣпленія возлѣ Ладоги, Сулака и Астрахани, гдѣ отъ тяжелыхъ работъ, а больше отъ сыраго воздуха и дурнаго содержанія, множество тысячъ козаковъ согнило въ болѣзняхъ и перемерло, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ почти всѣ прежніе козаки, опытные въ воинахъ, перевелись, а поступавшие на ихъ мѣста молодые козаки употребля-

лись на тѣ же работы и оставлены почти безъ всякаго устройства. Наконецъ въ 1722 году учреждена была въ Глуховѣ *Малороссійская Коллегія*, въ которой засѣдали шесть Московскихъ штабъ-офицеровъ и одинъ бригадиръ вмѣстѣ съ гетманомъ, генеральными старшинами и прочими чиновниками Украинскими. Безъ согласія этихъ семи Московскихъ членовъ, въ Коллегіи ни одно важное дѣло не могло рѣшиться. Учрежденіемъ Коллегіи Петръ уничтожилъ послѣднюю самостоятельность правительства Украинскаго, и Скоропадскій при всемъ своемъ смиреніи такъ былъ огорченъ этимъ событіемъ, что заболѣлъ и, будучи старъ и дряхлъ, не перенесъ своей болѣзни.

Царь былъ тогда въ Персіи. Русскій Сенатъ, до избранія новаго гетмана, назначилъ наказнымъ гетманомъ Павла Полуботка, повелѣвая ему во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ бригадиромъ Вельяминовымъ и съ прочими Московскими членами, засѣдавшими въ Малороссійской Коллегіи. Вельяминовъ обходился крайне грубо съ Полуботкомъ и его чиновниками и, не обращая вниманія ни на какія права, хотѣлъ управлять Украиною по собственной волѣ. Полуботокъ жа-

ловался Царю чрезъ особыхъ пословъ: но Царь на представленія ихъ сказалъ, будто бы въ договорѣ Богдана Хмельницкаго сказано, что воевода царскій долженъ чинить расправу въ Малороссійскихъ городахъ, если недовольные козацкимъ судомъ пожелаютъ перенесть къ нему свои дѣла. Полуботокъ отвѣчалъ письменно, что такой статьи въ договорѣ Хмельницкаго нѣтъ, и что напротивъ тамъ сказано: «Въ на-«чалѣ изволь твое Царское Величество под-«твердить права и вольности наши войсковыя, «какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запорож-«скомъ, что своими правами суживалися, чтобъ «ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды «войсковые не вступалися, но отъ старѣйшинъ «своихъ козаки судимы были: гдѣ три чело-«вѣка козаковъ, тамъ два третьяго судить долж-«ны.» — «Не только родитель твой (писалъ Полуботокъ), но и Ты, Государь, собственноручно сію статью утвердилъ при избраніи покойнаго гетмана Скоропадскаго, обѣщая цѣло, свято и ненарушимо содержать постановленный съ Хмельницкимъ договоръ.»

Разгнѣванный такимъ отвѣтомъ, Царь вызвалъ Полуботка въ Петербургъ. Полуботокъ явился къ нему въ сопровожденіи нѣс-

кольких знатныхъ Украинскихъ сановниковъ. Они пали передъ Царемъ на колѣни и молили о пощадѣ Украины; но онъ назвалъ ихъ измѣнниками и вѣроломцами и прогналъ отъ себя. Еще нѣсколько разъ пытались они убѣдить его, ѣздили къ разнымъ вельможамъ, вездѣ искали ходатайства, и нигдѣ не находили. Тогда Полуботокъ, потерявъ терпѣніе, явился къ Царю и произнесъ ему рѣзкую рѣчь, въ которой представлялъ, какъ Украинцы присоединеніемъ къ Московскому государству усилили его, сколько оказали ему услугъ при завоеваніи Смоленска и Азова, какъ много содѣйствовали ему во время войны съ Шведами, и какъ за всѣ свои услуги отягощены работами, налогами и лишены своихъ прежнихъ правъ.

Выслушавъ рѣчь Полуботка, Петръ приказалъ отправить его и всѣхъ бывшихъ при немъ Украинцевъ въ Петропавловскую крѣпость, а имѣніе ихъ конфисковать. Когда Полуботокъ, Чарнышъ, Савичъ, Корецкій, Жураховскій, Лизогубъ и другіе сидѣли въ крѣпости, привезли туда еще полковниковъ Апостола и Милорадовича, которыхъ схватили по возвращеніи ихъ изъ похода противъ Татаръ. Кромѣ того всѣ

Украинцы, правившіе полками и сотнями козацкими, привезены были въ Глуховъ и посажены въ тюрьму при Коллегіи. Несчастные сидѣли въ заключеніи болѣе года; нѣкоторые умерли въ оковахъ, другіе отъ сырости нажили цынгу и перекалѣчились. Когда же пришла смерть и къ Полуботку и онъ потребовалъ къ себѣ священника, Петръ послалъ къ нему лекаря. Но Полуботокъ отвергнулъ его услуги и сказалъ: «На что мнѣ жизнь, когда не могу быть полезенъ отчизнѣ!» Обходясь сурово съ Украинцами, Царь Петръ дѣйствовалъ такъ для пользы Россіи; отвѣтъ Полуботка живо его тронулъ. Онъ поѣхалъ самъ къ умирающему, просилъ прощенія и уговаривалъ принять лекарства. «Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ Полуботокъ, Ты не въ силахъ уже возвратить мнѣ угасающей жизни! Что я къ Тебѣ не питалъ вражды и не питаю, въ томъ увѣряю Тебя, какъ Христіянинъ. Но вскорѣ Петръ и Павелъ предстанутъ на одной доскѣ предъ праведнымъ Судьею: Онъ разсудитъ насъ.» И съ этими словами скончался.

По смерти благороднаго Полуботка, Глуховская Коллегія усилилась еще больше: Вельяминовъ вполнѣ завладѣлъ новыми старшинами.

Почти всѣ полковники и сотники были отрѣшены отъ своихъ должностей, а ихъ мѣста розданы Великороссіянамъ. Значительная часть козацкаго войска работала между тѣмъ каналы и крѣпости. Налоги были крайне отяготительны. Коллегія довела ихъ до того, что наконецъ сама принуждена была уменьшить.

Въ 1725 году Императоръ Петръ I скончался. На престолъ взошла супруга его Екатерина I. Она царствовала недолго. Ей наслѣдовалъ, въ 1727 году, Петръ II. При немъ Малороссійская Коллегія была уничтожена и въ гетманы былъ назначенъ полковникъ Даніилъ Апостолъ, человѣкъ храбрый, но другими достоинствами не похожій на Полуботка. Новый гетманъ отправился съ нѣсколькими старшинами на царскую коронацію въ Москву, гдѣ Государь принялъ его весьма ласково; однакожъ статьи, врученныя Апостолу, были совсѣмъ различны отъ статей Богдана Хмельницкаго. Теперешній гетманъ былъ только тѣнь старыхъ гетмановъ. Впрочемъ Украина была значительно облегчена, и всѣ благословляли молодаго Царя. Но этотъ добрый Государь въ генварѣ 1730 года умеръ отъ оспы. На престолъ вступила Анна Іоанновна. Въ 1731 году двадцать

тысячь козаковъ и десять тысячь поселянъ отправлены были насыпать земляной валъ съ башнями отъ Днѣпра до Сѣвернаго Донца, для защиты южныхъ провинцій отъ Крымскихъ Татаръ. Эту линію, названную *Украинскою*, работали Украинцы въ теченіе многихъ лѣтъ, и посылалось туда ежегодно по 20 тысячъ козаковъ и по 10-ти простаго народа.

Гетманъ Апостолъ умеръ въ 1734 году, и съ его смертью гетманство опять прекратилось на нѣсколько лѣтъ. Украина поручена была управленію шести членовъ, трехъ Великороссійскихъ и трехъ Украинскихъ.

Это шестиглавое правительство существовало въ Украинѣ до 1750 года, когда Императрица Елизавета назначила гетманомъ Графа Кирилла Разумовскаго. Онъ возстановилъ гетманское правленіе, выслалъ изъ Украины Московскихъ чиновниковъ, возвысилъ своимъ значеніемъ при дворѣ гетманскій санъ: но при всемъ томъ Украинскій гетманъ теперь былъ уже не то, что старинные гетманы, и самъ Разумовскій *послѣднимъ гетманомъ* называлъ Мазепу.

Не смотря на нѣкоторое облегченіе Украины при Разумовскомъ, съ его гетманствомъ связываются грустныя воспоминанія. Воспи-

танный за границею, возмужавшій при дворѣ, Разумовскій любилъ Украину какъ страну, доставлявшую ему огромные доходы и славное титло гетмана; у него не было идеи о поддержаніи свободы поселянъ, за которую такъ много пролито было крови. Окружающіе его паны также думали только о своемъ обогащеніи, раболѣпствовали передъ гетманомъ, заискивали благосклонности столичныхъ вельможъ, а на Украину и на народъ Украинскій смотрѣли какъ на источникъ своихъ доходовъ. Старые козаки перегибли при рытьи каналовъ и постройкѣ пограничныхъ крѣпостей: поступившіе на ихъ мѣста не помнили уже вольныхъ радъ и безсознательно покорялись распоряженіямъ пановъ, присвоившихъ только себѣ высшія должности. Мѣщане и поселяне давно отвыкли отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Западная Украина была во власти Поляковъ, а Запорожье со временъ Мазепы жило отдѣльною жизнью. Такимъ образомъ при Разумовскомъ организмъ нашъ былъ совершенно разстроенъ. И вотъ въ 1764 году гетмана призываютъ въ Петербургъ и велятъ подать въ отставку. Въ слѣдъ за тѣмъ козацкіе полки обращаютъ въ ка-

рабинеровъ, козацкихъ старшинъ и Украинскихъ чиновниковъ переименовываютъ въ Великороссійскіе чины. Потомъ обнародованъ указъ Императрицы Екатерины II, чтобы поселяне не имѣли болѣе права оставлять земли однаго пана и переходить къ другому или дѣлаться мѣщанами, купцами, козаками, какъ свойственно народу свободному. Указомъ повелѣвалось всякаго живущаго на условіяхъ чинша на чужой землѣ записать крестьяниномъ владѣльца земли, и Украинское дворянство воспользовалось этимъ правомъ съ такою поспѣшностію, что нѣкоторые бѣдные люди, обработывавшіе на условіяхъ чинша земли своихъ родственниковъ, очутились ихъ крестьянами.

И такъ вотъ судьба Украинскихъ простолюдиновъ, по поэзіи и по благородству нравовъ едва ли не первыхъ въ Европѣ! Помня старорусскую вольность, они не терпятъ ига Польскихъ и своихъ ополяченныхъ пановъ, войнами Хмельницкаго уничтожаютъ въ Украинѣ крестьянство; но, потерявъ свою аристократію отпаденіемъ ея въ католичество, становятся жертвою хитрыхъ эгоистовъ, сражаются то за того, то за другаго, слѣпо ища свободы: образовавшая-

ся изъ нихъ новая аристократія объ этой свободѣ не думаетъ; немногіе только, подобные Сомку и Полуботку, дѣйствуютъ благородно, но и тѣ погибаютъ безъ успѣха. Наконецъ, при губительномъ вліяніи внѣшнихъ обстоятельствъ и своекорыстіи пановъ, отдѣлившихъ свои интересы отъ интересовъ народныхъ, простолюдины подъ гнетомъ нуждъ сперва теряютъ свою энергію, а потомъ и самое сознаніе своихъ человѣческихъ правъ. Теперь Украинскаго простолюдина характеризуютъ только мрачное уныніе и нелюбовь ко всѣмъ богатымъ и знатнымъ. Иной станетъ порицать въ немъ эти чувства, но не будетъ порицать ихъ тотъ, кто знаетъ, что̀ довело Украинца до такаго характера.

Глава седьмая.

Обратимся теперь къ правой сторонѣ Днѣпра. Вы знаете, что она вся, кромѣ Кіева съ его окрестностями, была уступлена Полякамъ сперва при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по Андрусовскому договору, а потомъ при Царѣ Петрѣ I, по Прутскому договору. Въ то время, когда на лѣвой сторонѣ правили гетманы, а на Запорожьи кошевые, правая сторона Днѣпра управлялась совсѣмъ иначе. Она раздѣлена была на два воеводства, *Кіевское* и *Брацлавское*, а каждое воеводство на нѣсколько повѣ-

товъ. Кромѣ того, заднѣпрская Украина подѣлена была еще на старо̀ства. Каждое старо̀ство заключало въ себѣ какой-нибудь городъ или мѣстечко съ нѣсколькими окружными селами и съ ихъ полями и лѣсами. Старо̀ства жаловались отъ короля панамъ въ пожизненное владѣніе; иногда одному пану принадлежало нѣсколько старо̀ствъ. Староста рѣдко проживалъ въ своемъ старо̀ствѣ; онъ обыкновенно находился въ столицѣ при какихъ-нибудь дѣлахъ, а старо̀ствомъ его управляли *губернаторъ*, *намѣстникъ* губернатора и *лѣсничій*, которымъ онъ платилъ жалованье изъ доходовъ старо̀ства. Такъ какъ, при отдачѣ этого края Польшѣ, всѣ реестровые козаки съ ихъ старшинами переведены были на лѣвую сторону Днѣпра, то старо̀сты составили себѣ изъ поселянъ команды *надворныхъ* козаковъ, подъ начальствомъ своихъ губернаторовъ *. Эти надворные козаки составляли всегдашніе гарнизоны въ

* Ближайшій же начальникъ этихъ козаковъ былъ отаманъ или сотникъ, выбранный изъ нихъ же. Впрочемъ козацкій сотникъ у Поляковъ не имѣлъ права на шляхетство; только за какія-нибудь великія заслуги во время войнъ отаманамъ и сотникамъ надворныхъ козаковъ Король жаловалъ право дворянства.

деревянныхъ замкахъ, устроенныхъ въ каждомъ старостве, должны были отражать нападенія непріятелей и служить панамъ разсыльными. Права ихъ не имѣли ничего общаго съ правами гетманскихъ козаковъ: это были не больше, какъ вооруженные слуги Польскихъ пановъ. Другое сословіе въ Украинскихъ староствахъ составляли мѣщане, пользовавшіеся правомъ торговли, платившіе старостѣ чиншъ и отбывавшіе разныя повинности. Третье сословіе составляли мужики, обработывавшіе поля и платившіе сверхъ того подати: а четвертое— Жиды, которые, ничего не работая, разными, имъ только свойственными промыслами снискивали себѣ пропитаніе и деньги для уплаты податей. Кромѣ того поселилась опять въ Украинѣ Польская шляхта, служившая въ какихъ-нибудь должностяхъ у старостъ или владѣвшая небольшими помѣстьями. Словомъ, состояніе западной Украины было почти тоже самое, какъ и до возстанія Хмельницкаго, съ тою только разницею, что теперь она была обезсилена многими войнами и переселеніемъ жителей на другую сторону Днѣпра. Бѣдствія, претерпѣнныя Польшею во время многолѣтнихъ войнъ съ козаками и Россіею по поводу пре-

слѣдованія Греческаго исповѣданія и угнетенія низшихъ сословій, должны бы, кажется, были образумить католиковъ на счетъ уніи; но Польшѣ назначено было погибнуть отъ этой болѣзни. Едва Украина досталась въ ихъ власть, опять ксензы начали распространять въ ней уніатовъ и принуждать народъ къ исполненію нѣкоторыхъ обрядовъ, несогласныхъ съ ученіемъ Греческой Церкви. Больше всего терпѣли отъ католиковъ и уніатовъ монастыри, церкви и духовенство Греко-Русское. Собравши толпу шляхтичей, уніаты и католики наѣзжали на монастырскія владѣнія, били и мучили нашихъ духовныхъ, грабили ихъ имущество, запечатывали церкви и дѣлали многія другія неистовства. Напрасно Русскіе Цари и Царицы, отъ Петра I до Екатерины II, дѣлали представленія Польскому правительству и угрожали вступиться за своихъ одновѣрцевъ. Поляки, ослѣпленные враждою ко всѣмъ православнымъ, продолжали свои гоненія съ намѣреніемъ окатоличить всѣ Русскія земли, которыми еще владѣли. Эти гоненія возобновили опять въ Украинѣ ту кровавую драму, которая разыгривалась отъ Наливайка до Хмельницкаго, только уже въ меньшемъ размѣрѣ. Первый изъ Украин-

скихъ козаковъ, возставшій теперь для защиты своей вѣры, былъ Жаботинскій сотникъ Харко. Собравъ 700 козаковъ, онъ хотѣлъ было, по примѣру Хмельницкаго, изгнать изъ Украины католиковъ и уніатовъ; но его поймали хитростью и отрубили голову. Скоро явился другой мститель, Запорожецъ Максимъ Залѣзнякъ. Онъ успѣлъ собрать значительное ополченіе изъ недовольныхъ надворныхъ козаковъ, крестьянъ и разбойниковъ или гайдамакъ Украинскихъ. Архимандритъ Чигиринскаго монастыря Мельхиседекъ Яворскій написалъ ему такъ называемую *Золотую грамоту*, которою будто-бы Императрица Екатерина II изъявляетъ желаніе, чтобъ Украинцы ополчились противъ Поляковъ, и Залѣзнякъ выступилъ для очищенія Украины отъ Жидовъ, католиковъ и уніатовъ. Это было въ 1768 году. Партизановъ Залѣзняка звали *кольями* и *гайдамаками*, отъ чего и вся эта эпоха назвалась *Колѣйвщиною* или *Гайдамаччиною*. Ополченіе Залѣзняка росло на каждомъ шагу. Вездѣ были истребляемы католики, уніаты и Жиды, иногда въ одномъ мѣстѣ по нѣскольку тысячъ. Самая сильная крѣпость Украинская была въ Уманѣ. Туда съѣхалось больше всего пановъ,

ксензовъ и Жидовъ изъ Украины. Но когда Уманскій сотникъ Гонта присоединился съ своими козаками къ Залѣзняку, не устояли противъ нихъ ни городскія укрѣпленія, ни отчаянная защита осажденныхъ. Умань былъ взятъ. и въ одинъ день истреблено въ немъ Жидовъ и шляхты до восемнадцати тысячь. Этотъ день извѣстенъ донынѣ въ народѣ подъ именемъ *Уманской рѣзни.* Залѣзнякъ расположилъ свой станъ подъУманемъ и учредилъ здѣсь свою главную квартиру. Съ утра до ночи шелъ пиръ, раздавались козацкія пѣсни, громъ пушекъ, ружейная пальба. Между тѣмъ на гайдамакъ собиралась гроза. Поляки съ одной, а Екатерина II съ другой стороны прислали, для усмиренія этаго возстанія войско. Отъ Императрицы присланъ былъ къ Уманю полковникъ Кречетниковъ съ большимъ полкомъ конницы и съ тысячею Донцовъ. Кречетниковъ засталъ гайдамакъ, разбирающихъ въ лагерѣ серебряную и мѣдную монету; они насыпали ее по сортамъ въ пустыя винныя бочки: груды денегъ и всякаго добра валялись вокругъ. Войско Залѣзняка было такъ велико, что Кречетниковъ не осмѣлился нападать на него открытою силою и объявилъ, что идетъ въ Бердичевъ противъ

Польскихъ конфедератовъ *. Гайдамаки повѣрили ему и стояли безпечно, какъ въ одну ночь Гонта и двѣ тысячи козаковъ были схвачены и перевязаны. Ужасъ объялъ всѣхъ гайдамакъ. Они бросились уходить, куда кто попалъ. Ихъ вездѣ ловили и убивали. Гонта былъ выданъ Полякамъ и казненъ мучительною смертью. Смерть Залѣзняка неизвѣстна. Поляки излили тогда надъ Украинцами всю свою злобу: казнили не только тѣхъ, которыхъ взяли подъ Уманемъ, но и всѣхъ, кого только подозрѣвали въ гайдамачествѣ. Изъ многихъ деревень брали десятаго человѣка безъ разбору и предавали смерти Въ мѣстечкѣ Лысянкѣ Стемпковскій, назначенный судьею этихъ несчастныхъ, повѣсилъ безъ всякаго розыска 600 человѣкъ. На память этого у Лысянскихъ дѣвушекъ вошло въ обычай вплетать въ косу одну черную ленту между разноцвѣтныхъ.

Итакъ унія опять была причиною гибели многихъ тысячь народа, но католики еще не образумились; только тогда перестали они бре-

* Такъ называлась шляхта, недовольная правительствомъ и собиравшая *Конфедерацію*, а по просту мятежъ, чтобъ оружіемъ заставить правительство сдѣлать то, чего она добивалась.

дить своимъ несчастнымъ замысломъ, когда наконецъ Польша была раздѣлена въ 1793 году между тремя государствами; Россіею, Пруссіею и Австріею, и политическое существованіе этаго безпокойнаго государства кончилось. Въ 1839 году исчезло даже и имя уніи: уніаты соединились снова съ православными.

Вы видите теперь, почему Дорошенко въ теченіе всего своего гетманства старался возсоединить, какъ онъ говорилъ, «разодранную на части» Украину. Онъ не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, и вотъ — сперва угасла самобытность Украины на лѣвой сторонѣ Днѣпра, потомъ пала въ отдѣльной, слабой борбѣ съ Поляками Украина западная; оставалось еще Запорожье, давно отрозненное отъ Украины. Ему готовилась таже участь.

Изъ начала этой повѣсти вамъ извѣстно, какъ образовались Запорожцы. *Они жили* отдѣльными воинскими семьями въ большихъ куреняхъ, или шалашахъ. Каждый курень былъ подъ начальствомъ *куреннаго отамана*, а всѣ курени были подвѣдомственны *отаману кошевому*, т. е. начальнику всего Сѣчеваго *коша*, или лагеря. Чтобъ ничто не отвлекало ихъ отъ

военныхъ занятій, эти рыцари рѣшились жить безъ женщинъ, довольствоваться самою простою пищею и носить самое грубое платье. Такимъ образомъ Сѣчь была подобна военному монастырю посреди дикихъ степей, на которыхъ Сѣчевики безпрестанно съѣзжались и воевали съ Татарами. Къ нимъ приходили изъ Украины не только простые козаки, но и люди знатные, Русскаго и Польскаго происхожденія, дававшіе обѣтъ посвятить свою жизнь безпрестанной войнѣ съ врагами христіянства. Сѣчь изъ небольшой крѣпости сдѣлалась въ послѣдствіи сильною военною колоніею, и когда Поляки, на гибель свою, затѣяли въ Украинѣ унію, Запорожье сдѣлалось убѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ и гонимыхъ Польскимъ правительствомъ, и мѣстомъ, гдѣ козаки замышляли и обдумывали планъ войны за свободу Греческаго исповѣданія и за свои стародавнія вольности. Польское правительство всякій разъ, какъ брало верхъ надъ козаками, старалось превратить Запорожье въ обыкновенный военный редутъ для наблюденія за движеніями Татарскихъ ордъ, и посылало туда по два полка городовыхъ козаковъ на три мѣсяца как бы въ караулъ: черезъ три мѣсяца, эти два полка смѣнялись

другими двумя и т. дал. Постоянное же жительство на Запорожьи кому бы то ни было строго запрещалось. Не смотря однакожъ на такія мѣры, въ Днѣпровскихъ лугахъ и байракахъ укрывалось множество такъ называемыхъ *лугарей* и *комышниковъ*, которые только о томъ и думали, чтобъ составить новый заговоръ противъ Польши и набрать для вторженія въ Украину достаточную партію. Сами городовые козаки, приходя туда на стражу, отъ сношенія съ этими лугарями, проникались вольнымъ духомъ, нерѣдко условливались съ ними о времени возстанія на своихъ притѣснителей и, возвратясь домой, распространяли тотъ же духъ и тѣ же замыслы между своими товарищами. Теперь вы поймете, почему Хмельницкій, явившись на Запорожьи, такъ легко набралъ себѣ дружину и почему козаки Барабашевы такъ скоро съ нимъ соединились. Отвоевавши у Поляковъ Украину, Хмельницкій универсаломъ своимъ потвердилъ всѣ прежнія права Запорожскія, и хотя тогда козакамъ не худо было жить и въ городахъ, однакожъ нашлось много охотниковъ, которые предпочли семейной жизни жизнь кочевую и безженную. Только со временъ Хмельницкаго Запорожье

утратило уже тотъ высокій, религіозный и патріотическій характеръ, которымъ до тѣхъ поръ отличалось. Оно стало сборищемъ лѣнтяевъ, пьяницъ и преступниковъ, убѣгающихъ отъ правосудія. Этимъ объясняются произшествія *Черной рады, ударъ челомъ* въ Москвѣ и другія. Будучи разбиты вмѣстѣ со Шведами подъ Полтавою, Запорожцы поселились на землѣ Крымскаго хана и жили подъ его покровительствомъ до 1734 года, когда получили позволеніе возвратиться на родину и занять прежнія свои земли. Они построили себѣ новую Сѣчь въ восьми верстахъ отъ старой (разоренной по повелѣнію Царя Петра въ 1709), при впаденіи рѣчки Подпольной въ Днѣпръ. Имъ принадлежали обширныя земли, на которыхъ они въ послѣдствіи начали заводить хутора и села, принимая къ себѣ всѣхъ выходцевъ изъ Украины, такъ что народонаселеніе ихъ земель увеличилось до 50,000 душъ. Такое множество людей, состоящихъ подъ особымъ управленіемъ храбрыхъ и отчаянныхъ Запорожцевъ, стало опасно для Русскаго правительства: а потому въ 1775 году Императрица Екатерина II велѣла генералу Текелію окружить нечаянно Сѣчь Русскимъ войскомъ, взять старшинъ и при-

слать въ столицу, а Запорожцевъ разселить по Украинѣ. Въ слѣдствіе такаго повелѣнія, Сѣчь въ 1775 году была разорена; но всѣ почти Запорожцы ушли въ Турцію и поселились тамъ подъ покровительствомъ султана. Оставшимся Запорожцамъ велено было жениться и заниматься земледѣліемъ. Изъ охотниковъ вступить въ военную службу сформировало въ 1776 году два *пикенерные* полка. Въ 1786 году Потемкинъ созвалъ еще остатки Запорожскихъ козаковъ и назвалъ ихъ *Черноморскимъ козачьимъ войскомъ*, которое служило подъ его начальствомъ до окончанія Турецкой войны, а потомъ въ 1792 году Черноморскому войску отведенъ островъ Фанагорія съ землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ, гдѣ оно существуетъ и понынѣ. Внутреннее устройство Черноморіи тоже самое, какое было и въ Запорожьи. Войсковой *кошъ* есть главный станъ войска. Его составляютъ 40 куреней тѣхъ же самыхъ наименованій, какія были на Запорожьи. Каждый курень имѣетъ отамана, избираемаго козаками изъ равныхъ себѣ, а всѣ они подвѣдомственны войсковому отаману. Народонаселеніе земель Черноморскаго войска въ 1808

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

главнѣйшихъ произшествій, упомянутыхъ въ *Повѣсти объ Украинскомъ народѣ.*

Годы.

1597. Битвы подъ Чигириномъ и подъ Лубнами.
1622. Смерть Сагайдачнаго.
1628. Тарасова ночь.
1637. Битва подъ Кумейками.
1638. Битва надъ Старицею.
1648. Битвы на Желтыхъ-Водахъ, подъ Корсунемъ и подъ Пилявцами
1649 Битвы подъ Збаражемъ и подъ Зборовымъ.
1651. Битва подъ Берестечкомъ.
1654. Соединеніе Украины съ царствомъ Московскимъ.
1657. Смерть Богдана Хмельницкаго.
1659. Битва подъ Конотопомъ.
1660. Битва подъ Чудновымъ.
1663. Черная Рада.
1665. Поѣздка Бруховецкаго въ Москву.
1667. Андрусовскій договоръ.

Годы.

1669. Глуховской договоръ Многогрѣшнаго.
1676. Отреченіе Дорошенка отъ гетманства
1687 Избраніе Мазепы въ гетманы.
1709. Битва подъ Полтавою.
1723. Смерть Полуботка.
1764. Введеніе въ Малороссіи крестьянства.
1768. Колѣйвщина въ западной Украинѣ.
1775. Разореніе Запорожской Сѣчи.

